

Николай Владленович Басов
Собаки из дикого камня
Серия «Лотар Желтоголовый», книга 3

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=131131
Басов Н. В. Собаки из дикого камня: ЭКСМО-Пресс; Москва; 2000
ISBN 5-04-005473-4*

Аннотация

«Лотар поднял голову и попробовал разглядеть хоть что-нибудь за решеткой квадратного окошка. Ничего. Только серая, упругая, как плотная ткань, пелена тумана. Довольно густого тумана. Было странно, что при такой ограниченной видимости они вдруг встретились с каким-то другим судном. И не менее странно, что их недоверчивый, суровый капитан вдруг решил лавировать, сходитья, а потом долго о чем-то негромко переговаривался с капитаном другого корабля.

Лотар повернул голову к койкам Рубоса и Сухмета. Старик, конечно, не спал, его взгляд двигался по потолку в такт шагам капитана, который расхаживал по мостику у них над головой, выкрикивая команды для разведения кораблей. По всей видимости, Сухмет искал в его перемещениях какую-то закономерность, думая о том же, что и Лотар...»

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	6
Глава 3	12
Глава 4	20
Глава 5	24
Глава 6	31
Глава 7	36
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Николай Басов

Собаки из дикого камня

Глава 1

Лотар поднял голову и попробовал разглядеть хоть что-нибудь за решеткой квадратного окошка. Ничего. Только серая, упругая, как плотная ткань, пелена тумана. Довольно густого тумана. Было странно, что при такой ограниченной видимости они вдруг встретились с каким-то другим судном. И не менее странно, что их недоверчивый, суровый капитан вдруг решил лавировать, сходитья, а потом долго о чем-то негромко переговаривался с капитаном другого корабля.

Лотар повернул голову к койкам Рубоса и Сухмета. Старик, конечно, не спал, его взгляд двигался по потолку в такт шагам капитана, который расхаживал по мостику у них над головой, выкрикивая команды для разведения кораблей. По всей видимости, Сухмет искал в его перемещениях какую-то закономерность, думая о том же, что и Лотар.

– Что скажешь?

– Мне кажется, мой господин, нет нужды гадать попусту. Мы скоро все узнаем, не выходя из каюты.

– Что узнаем?

– Что-то, что касается нас.

– Ты пытался подслушать их разговор? – Лотар недоверчиво хмыкнул.

– Нет, это было бы неразумно – без нужды растрачивать энергию на глупые предосторожности. Нет, я просто заметил, что мы изменили курс и идем, кажется, к берегу. Скорее всего это из-за нас, потому что других причин оказаться в этих водах у капитана Ингли нет.

– Может быть, капитан выяснил, что он в тумане прошел мимо порта?

– Что угодно, только не это. Возможно, эти люди не прочь провезти тюк-другой контрабанды, но в неопытности я бы их не заподозрил. Могу только сказать, мой господин, что это неопасно. – Он помолчал, потом нехотя, но все-таки довольно твердо добавил: – Пока.

С этим уже приходилось считаться.

– Ты полагаешь?..

Договорить Лотар не успел. Решительные шаги капитана пророкотали над их головами к лестнице, ведущей вниз, потом прошаркали по ступеням и наконец затихли перед дверью их каюты – лучшей каюты на корабле.

– Входите, капитан! – крикнул Лотар.

Дверь открылась. Капитан Ингли, вытирая крохотные капли влаги с лица, вошел. Он даже не пытался улыбаться.

– Никак не привыкну, что вы всегда ко всему готовы.

– Я просто слышал ваши шаги, – примирительно сказал Лотар.

– Дело в том... – Капитан помедлил, потом добавил, словно подавился: – Сэр, мы не можем по неизвестной мне причине войти в Мирам. Я понимаю, уговор есть уговор. И если я обещал, что высажу вас в порту этого города, в котором, кстати, бывал не раз, то так и должно быть. Но сейчас я вынужден признать – это невозможно. Я не пойду туда. – Он помолчал, посмотрел в окно и вздохнул: – Я готов вернуть вам часть платы за проезд, чтобы хоть как-то компенсировать доставленное неудобство.

Ингли был настоящим морским капитаном и очень нравился Лотару. К тому же на Алдуине, где они вынуждены были сделать пересадку, чтобы продолжить путь на север, достаточно надежные люди не раз им говорили, что это едва ли не лучший парусник, управ-

ляемый лучшей командой на всем побережье. И за время плавания Лотар убедился, что это были не пустые слова.

– Никто не побеспокоит вас таким пустяком, как компенсация, капитан. Но я должен знать, что вам сказал капитан судна, с которым вы только что встретились.

Капитан облегченно хмыкнул. Шагнул вперед, повернул к себе стул и сел, вытянув натруженные вахтой ноги.

– Значит, вы и это слышали? Тем лучше. – Он сложил руки на коленях и с мрачной решительностью выпалил: – Это был мой друг, мы не раз пускались вместе на рискованные дела, и он ни разу меня не подвел. Он сказал, что за последние два месяца ни один корабль не вышел из Мирама.

В каюте некоторое время царило молчание.

– Как это понимать? – внезапно подал голос Рубос. Он, оказывается, тоже не спал.

Капитан повернулся к нему. Лотар давно заметил, что капитан считается с Рубосом больше, чем с ним или с Сухметом, – вероятно, из-за золотого ошейника Сухмета, какие на Южном континенте обычно надевают рабам. Пусть дорогим, ученым – но все-таки рабам.

– Я не знаю. Возможно, в Мираме эпидемия и власти не выпускают корабли, чтобы не разносить заразу. Но тогда вообще-то о болезни знали бы в других портах. Не бывает так, чтобы в одном месте была зараза, а рядом никто ни разу не заболел, ведь откуда-то она должна была появиться? Или в городе вполне могли возникнуть беспорядки. Тогда власти порта наложили секвестр на какие-то корабли. Но и в этом случае... Два месяца – слишком долго для любого порта. А Мирам слишком велик, чтобы обходиться без торговли. – Капитан хлопнул себя ладонями по колену. – Но так или иначе сейчас в Мирам не ходят. И я не пойду. Ваш черед делать выбор, господа.

Рубос обеспокоенно посмотрел на Лотара.

– Все-таки, мне кажется, нужно идти в Мирам.

– А сколько до него осталось, капитан? – спросил Сухмет ласковым голосом, потому что Ингли не всегда достаивал раба ответом.

– Уже недалеко. По берегу не больше трех десятков миль.

– Морских или обычных? – быстро спросил Сухмет.

Капитан нахмурился. Ему почудилась в этом вопросе насмешка.

– Это не имеет значения, – сказал Лотар.

Капитан встал.

– Так что вы решили, сэр?

– Высадите нас на берегу. Мы дойдем до города на своих двоих.

Капитан кивнул и чуть заметно улыбнулся:

– Я так и думал. Я уже приказал повернуть к берегу и подготовить шлюпку.

Глава 2

Первый помощник капитана Ингли, молодой, румяный и смешливый, как девица на посиделках, поднял руку, что-то прокричал и сел на кормовую банку. Моряки сразу дружнее взялись за весла, и шлюпка поплыла к кораблю, мерно вскидывая на волнах круглый нос.

– Что он сказал? – спросил Рубос, поудобнее устраивая поклажу на плечах.

– Пожелал удачи, – ответил Сухмет, поднимая с земли свою часть груза.

– Нет, он сказал что-то еще.

– Сказал, может быть, увидимся.

Рубос помолчал. Вздыхнул. Проверил, как вынимается меч из ножен.

– Мрачно звучит.

– Он думал, что этим выразил надежду. Я, честно говоря, тоже надеюсь, что еще увидимся.

– Надежда нужна только тем...

– Вы здесь случайно не на ночевку остановились? – вмешался Лотар.

Они медленно пошли, увязая в крупном, промытом до ослепительной чистоты прибрежном песке. Солнце стояло уже довольно высоко, от тумана осталась только мрачная полоска на самом горизонте.

Деревья встретили их шуршанием листвы и звоном птичьих голосов. Это подняло настроение путникам, но ненадолго. Под невысокими, изуродованными ветрами деревьями стали появляться кусты. Через сотню шагов они уже сплелись в плотную зеленую массу, а еще через десяток саженей Рубосу пришлось доставать свой меч, чтобы прорубаться вперед. Его тюк по очереди несли в руках то Лотар, то Сухмет.

Через милю кустарник кончился, и они попали в обычный лес юга средней полосы. Лотар с удивлением заметил, что вспоминает многие деревья и радуется им, как старым приятелям. Идти стало совсем легко, под ногами у них, как дорогой ковер, стлалась плотная, без единого просвета, упругая трава. Свет падал сверху косыми лучами, и солнечные зайчики играли на стволах тисов, буков, акаций и диких каштанов.

Рубос расправил плечи и вдохнул воздух полной грудью. Лотар посмотрел на него – великан смеялся. Кажется, раньше таким Лотар не видел его ни разу.

– Оказывается, давно пора было вернуться, – сказал Рубос, заметив этот взгляд.

Они прошли не больше пяти миль, когда Сухмет предложил устроить привал. Позавтракали на залитой солнцем поляне с травой до колен. Чтобы устроиться поудобней, пришлось переместиться ближе к лесу, да и то Сухмет довольно долго расхаживал, приминая непослушные стебли.

– Нужно было подстрелить кого-нибудь, – сказал Рубос, набивая рот сухарями и соляной. – Свежати́на пришлась бы в самую пору.

Сухмет вдруг поднял голову и прислушался.

– Что случилось? – спросил Лотар.

– Нет, ничего, господин мой... Я только подумал, что... что мы по дороге не встретили никакого зверья. А ведь в таком лесу должна быть пропасть всякой живности.

– Может, Рубос распугал зверей своим топотом?

– Я шел беззвучно, как мышь! – возмутился великан.

– У зверей сложилось другое мнение.

Увидев смех в глазах Лотара, Рубос отвернулся, бурча что-то под нос и набивая рот следующим куском.

– Нет, в самом деле? – упорствовал Сухмет.

Лотар лег, вытянулся и стал смотреть в небо. Он сорвал травинку и принялся ее жевать, стараясь ощутить на языке ее горечь с привкусом пыли. Отвечать было незачем. Через мгновение все уже слушали птиц, а Лотар даже подремал, пока безжалостный и неумолимый Сухмет не погнал их дальше.

Когда они перешли поляну, впереди неожиданно открылась дорога. Это была самая обычная, проложенная в негустом лесу дорога. Вот только уж очень давно по ней проезжали в последний раз. Лотар даже удивился, когда понял, что на колее, которая должна быть протоптана до глины, успела подняться довольно густая трава. Он спросил Сухмета:

– Ты нас специально сюда вывел?

– Я ее почувствовал не раньше, чем ты.

– А почему она такая заглошшая?

Сухмет пожал плечами и уверенно повернул направо. Раз он повернул туда, значит, Мирам там и есть, лениво подумал Лотар.

Идти по дороге было гораздо легче. И шли они несравненно быстрее. Так, пожалуй, до вечера будем в городе, решил Лотар. И еще он вдруг подумал, что неплохо было бы остановиться и как следует размяться с мечом. Можно также побороться с Рубосом, а то они оба одеревенели, пока болтались в этом сундуке, который Ингли называл кораблем. И было бы, конечно, совсем неплохо помедитировать, чтобы восстановить ту остроту восприятия опасности, которая, похоже, осталась только у Сухмета. Впрочем, если верить Рубосу, они идут в спокойное место, где можно рассчитывать на дружественный прием и мирную жизнь...

– Стой! – От возбуждения Сухмет даже руку поднял, как будто собирался остановить целый караван.

– Что случилось? – Рубос уже наполовину вытащил свой меч.

Сухмет провел руками перед собой, выставив ладони вперед.

– Не знаю. Я ничего не чувствую.

Лотар насторожился. Деревья, лужайки, заросшая колея дороги... И никакого отзвука, словно даже свет проваливался во что-то впереди, а назад не возвращался.

– Чувствуешь? – спросил его Сухмет.

– Какая-то преграда, только не пойму, старая или поставленная недавно.

– Или ее просто разнесли в клочья, – предположил Сухмет.

Лотар кивнул. Это действительно могла быть какая-то старая обманка, магическая завеса, которую преодолели, но обрывки ее остались на траве, на листьях, на стволах деревьев.

– Опасности, кажется, никакой быть не может? – полувопросительно сказал Лотар.

В самом деле, кто же будет прикрывать засаду таким клочком магии?

– Тогда пошли, – сказал Рубос. Ему не терпелось. Впрочем, он не сделал вперед ни одного движения.

Лотар шагнул, потом еще. Нет, даже вблизи он не ощущал опасности. Было что-то другое, какой-то кислый привкус, словно у холодной меди осенней ночью, но колокольчики молчали.

Вдруг мир словно разорвался, что-то ошеломляющее мелькнуло в сознании... Лотар бросился на траву, выхватывая Гвинед... Но меч так и остался наполовину в ножнах. Все было спокойно. Очень спокойно.

– Ты чего? – Рубос уже стоял с мечом в руках за стволом невысокого кипариса.

Сухмет своим маленьким, но убийственно тугим самострелом выискивал цель.

– Шагайте, тогда сами поймете.

Они подошли. Каждый из них по-своему пережил этот разрыв в пространстве. Рубос крутанулся на месте, нанеся слепой, отчаянный удар мечом, который не встретил ни малейшего препятствия, а лишь просвистел в воздухе, как сиплый щегол. А Сухмет вздрогнул

всем телом, и его глаза на мгновение стали огромными, темными, бездонными. Он пытался определить характер и суть колдовства, под действие которого попал.

– Ну, что скажете?

– Мне кажется, – медленно проговорил Сухмет, – мы теперь на этой стороне.

– А именно? – Рубос иногда очень плохо их понимал.

– Пойдем дальше, – устало, словно разом разочаровавшись в красоте этого мира, произнес Лотар, – там разберемся.

Они прошли по дороге с четверть мили, когда Сухмет, который впал в какую-то вселенскую задумчивость, вдруг произнес:

– Господин мой, нужно вернуться к переправе. Я должен проверить, насколько далеко от дороги отходит этот экран.

– Раньше нужно было проверять, – мрачно сказал Рубос, но это были лишь слова. Он тоже понимал справедливость старой мудрости: ленивый – наполовину мертвец.

Они повернули назад. Прошли четверть мили, потом еще столько же, потом еще. Внезапно Лотару показалось, что куст, мимо которого они прошли, он уже видел. Он приотстал от Сухмета и осторожно, чтобы не очень бросалось в глаза, надломил тонкую ветку на высоте своего колена.

Они прошагали еще немного. Дорога все так же равнодушно и монотонно лежала перед ними. Никаких развилок, ничего сомнительного.

– Да что же это такое? – возмутился наконец Рубос. – Идем, идем, а конца-краю не видно. Где эта ваша «переправа»?

Сухмет остановился и показал на веточку, воткнутую между колеями.

– Я воткнул ее здесь четверть мили назад, – сказал он. – А вот за тем поворотом должна быть сломанная ветка, – сказал Лотар, невесело усмехнувшись. Они дошли до поворота.

Кросс всемогущий, сделай так, чтобы я ошибся, сказал себе Лотар, но как только они обошли куст веселого орешника, который закрывал часть дороги, и стало видно на сотню ярдов вперед, разглядели и сломанную ветку.

– Как же это может быть? – спросил Рубос. Он еще не все понял. – Мы никуда не сворачивали, идем вперед и вперед. Как же мы можем оказаться на том месте, которое уже проходили?

– Так делают, когда хотят закрыть какое-то совершенно открытое пространство. Только для этого требуется очень много энергии и очень сложная магическая техника, – сказал Сухмет.

– Потому из Мирана кораблей и нет, – добавил Лотар. – Они выходят, только в открытое море попасть не могут. Все время оказываются у выхода из гавани.

Рубос снял свой тяжелый кованный шлем, вытер пот.

– И звери поэтому разбежались. Часть с этой стороны, – он посмотрел на Сухмета, признавая точность подсказанного выражения, – а остальные подались за тридевять земель. Я бы и сам теперь, если бы мог...

– Ну, пока все не так плохо, – сказал Лотар. – Явной опасности нет, все выглядит мирно. – Он помолчал. – В любом случае нужно идти в Мирам. Послушаем, что там об этом говорят.

Теперь они шли быстро, словно старались наверстать упущенное время. Солнце уже стало сползать с небосклона вниз, когда Сухмет вдруг одним коротким движением взвел самострел и сразу же выстрелил. Среди ветвей куста, под которым уже стала сгущаться тень, они нашли прищипленного к земле увесистого кролика.

Удобное место у ручья открылось почти мгновенно. Собрав последние лучи солнца магической фигурой из пальцев, Сухмет запалил костер и принялся свежевать тушку. Дым поднимался вверх тонкой, ясно видимой в прозрачном воздухе стружкой.

– Может, уберешь этот дым? – спросил Лотар.

– Нас через полчаса здесь не будет, – беспечно махнул выпачканной кровью рукой Сухмет, не желая отвлекаться на пустяки.

Но оказалось, это не совсем пустяк. Они уже наполовину расправились с кроликом, когда Сухмет отбросил кусок кроличьей ноги и принялся аккуратно вытирать пальцы от жира.

– Человек двадцать, – негромко сказал он. – С двух сторон. Идут спокойно.

Рубос, даже не дожидаясь, вскочил и замер в боевой позиции. Лотар тоже сначала вытер руки, чтобы не скользили, потом поднялся. Гвинед он решил не трогать. Кинжал был на месте, у пояса, и вынимался легко.

Разбойники уже окружили их. Некоторые вяло улыбались. Но глаза у всех оставались холодными, как зимняя галька.

Что-то здесь не так, подумал Лотар. Такая большая банда и так близко от города. Что, у них стражников нет? Или это какие-то особо отчаянные? Но по виду не скажешь. Скорее наоборот, обычные работяги, подстегнутые нуждой податься к уголовному сброду. Вперед выступил человек с крысиными серыми глазками, перетянутый широким кушаком, снятым, очевидно, с кого-то побогаче и гораздо толще.

– Оружие сами отдадите или нам придется с трупов снимать?

Лотар улыбнулся. У шпаны во всех странах мира даже повадки одинаковые – всегда провокатором выступает какой-нибудь чрезмерно прыткий холуй.

– Думаю, ни то ни другое, парень. Думаю, те из вас, кто унесет отсюда ноги, уже сегодня вечером захотят домой, к женам под теплые одеяла.

Связываться с ними не хотелось. Ох, не хотелось. Потом опять будет мерзкое чувство, и пройдет не одна неделя, пока перекошенные от боли лица, остановившиеся глаза мертвых и дикие крики забудутся настолько, чтобы не мешали спать.

Крысенок поискал глазами кого-то сбоку, наверное, не нашел, потому что продолжил:

– Обидеть хочешь? А за это с тебя причитается.

Лицо его искривилось. И почти у всех, как по команде, лица стали жесткими, бешеными. А ведь не все так просто, мелькнуло у Лотара. Эти люди, хоть и не сразу заметно, уже обучены злу, уже заражены каким-то безумием. Лотар вздохнул. Как всегда, когда так получалось, ему стало жалко этих людей.

– Ничего с нас не причитается. Валите, ребята, мимо, – прогудел Рубос из-за спины.

Лотар почувствовал, что, как ни странно, именно его, гиганта с рельефной мускулатурой и иззубренным в поединках оружием, разбойники посчитали самым слабым звеном. И атаковали.

Первого Рубос прихватил левой рукой, ударом ноги сломал коленный сустав, потом стремительным движением, с перекатом кисти по запястью противника, заломил разбойнику руку за спину и резко поддернул вверх. Два вывиха, с двумя как минимум переломами, решил Лотар. Что-то уж очень жестко сработано. Нервничает Рубос, что ли?

Второго Рубос встретил круговым захватом. Можно было подумать, что он хочет разоружить противника, но едва мечи оказались в стороне, Рубос прямой ногой, огромной, как таран, ударил нападавшего в солнечное сплетение. Разбойник застыл. Рубос сделал шаг вперед и коротко, как на тренировке, ударил закованным в сталь локтем снизу в лоб. Треск сломанных у основания черепа позвонков был слышен на всей поляне.

Третьего Рубос зарубил, пока тот пытался выпутаться из травы. С той стороны все было решено. Разбойники еще делали вид, что атакуют, но стоило Рубосу топнуть ногой, как все дружно отшатывались и разве что за деревья не прятались с повизгиванием.

Троих, которые попытались напасть на Лотара, Желтоголовый просто отключил мягкими ударами по корпусу. Это было несложно, потому что ни доспехов, ни даже кольчуг на

них не оказалось. Через несколько минут они пришли бы в себя, и к ним даже вернулась бы обычная подвижность, вот только дурной прыти у них поубавилось бы. Но тут вмешался Сухмет.

Заорав так, что даже Лотар вздрогнул, он бросился вперед, и никто и глазом не успел моргнуть, как он уже снял со всех трех скорченных идиотов головы. Его сабля Утгелла полыхала в последних лучах солнца алым веером. Разбойники отшатнулись.

Внезапно Лотар увидел Крысенка. Тот тщательно целился из лука, стараясь сразу нанизать на свою стрелу и Лотара, и широкую спину Рубоса. Тренькнула тетива.

Лотар уже стоял в позе скоростного блока. Стрелу он снял фиксированным ударом тыльной стороны левой ладони. Она ушла куда-то вверх. Но Крысенок оказался не прост. Он уже натягивал лук со второй стрелой, и уже снова зазвенела тетива. Лотар ушел с линии атаки и отбил ее правым кулаком.

Пожалуй, зря, подумал он. Все-таки это блок не от мощного удара, а от легкой стрелы. А пока сжимаешь и разжимаешь кулак, пусть незначительно, но теряется скорость. Однако тело слушалось и двигалось только по привычной схеме, затверженной сотнями тренировок. Перестраиваться было опаснее, чем терять скорость.

Третью стрелу Лотар поймал в воздухе и демонстративно, чтобы эти дурни видели, переломил надвое.

На мгновение все замерли. Ждали чего-то. Рядом дышал Сухмет. Его залитая кровью сабля мерно покачивалась в вечернем воздухе в такт дыханию.

И тогда вперед вышел еще кто-то. Лотар понимал, что это человек, но он, пока готовился отбивать стрелы, нечаянно задел свое магическое видение и теперь осознавал, что это существо уже не совсем человек. Что-то в нем было или сломано, или настроено, оттренировано так, что кровь, убийство, жестокость стали для него даже не профессией, а, пожалуй, единственно увлекательным, вызывающим хоть какие-то эмоции событием. Это был палач, убийца, мучитель...

И он улыбался. Его лицо могло даже показаться интересным. По толпе разбойников, как по траве, прошел шелест. Теперь Лотар знал кличку этого человека. – Костолом... Костолом.

– А ты ловок, мальчишка, – процедил разбойник сквозь зубы.

Лотар ждал.

– Посмотрим, так ли ты ловок, когда встречаешь настоящего бойца.

Пожалуй, стоит попробовать вывести его из равновесия, решил Лотар.

– Это ты-то боец? – Лотар пожал плечами. – Да ты же палач. Привык иметь дело только с теми, кто связан, от кого нельзя ждать удара.

Это было не совсем так. Ноздри Костолома раздулись. Он не привык, чтобы над ним издевались.

– А что ты еще скажешь?

– Скажу, что ты трус – посылаешь вперед шавок, а сам прячешься за кустами. Ну и, конечно, весь твой авторитет держится на том, что бить ты умеешь только своих. Якобы за провинности, а на самом деле для того, чтобы не пропал страх перед тобой.

Лотар говорил наугад, но чувствовал, что попадает. Теперь даже Крысенок притих и отступил назад. Костолом едва сдерживался. Он громко проглотил слюну, вытянул вперед левую руку и с хрустом сжал ее в кулак. – Еще хочешь? – спросил Лотар.

– Довольно.

Медленно, напоказ, как все, что он привык делать, Костолом достал из-за спины булаву. Огромную, тяжелую, утыканную шипами. От нее тонкая цепочка тянулась к массивному браслету на правой руке. Он взмахнул булавой, якобы разминая мышцы и суставы. На самом деле это был способ напугать противника.

– Боишься? – спросил он.

Лотар усмехнулся. Он мог бы справиться с этим тяжелым, медлительным гигантом голыми руками, но молотить пришлось бы довольно долго, чтобы пробить броню этих мускулов. Да и Костолому это причинило бы боль, ничем не лучше тех пыток, какие сам Костолом устраивал своим жертвам. А этого Лотар не любил. Напрасных мучений не заслуживал никто на этом свете, даже такие, как этот бандит. Кроме того, боль искажала восприятие мира, затемняла, уродовала его. Чистое искусство война было выше мучительства. Лотар медленно, чтобы ни у кого не осталось сомнений, вытащил кинжал.

Костолом не верил глазам:

– Я вызываю тебя на бой!

– Для такого, как ты, я свой меч не достаю.

Взревев, Костолом бросился вперед. Он взмахнул несколько раз булавой, чтобы набрать скорость, и обрушил ее на Лотара. Потом еще раз, еще... Лотар мягко уходил в сторону, вниз, в сторону. Пожалуй, даже Рубос владел булавой лучше, чем этот мясник. Но все-таки в его уязвимости следовало убедиться. Поэтому Лотар пока не атаковал, лишь уворачивался.

Разбойники отошли подальше. Это давало больше пространства для маневра. Скопив на мгновение глаза, Лотар заметил, что Рубос с Сухметом в полной безопасности и бдительности не теряют. Все было в порядке.

Лотар дернулся влево, вправо, потом еще раз и прислонился спиной к дереву, как бы оказавшись в ловушке. Костолом купился на это, как последний лавочник. Ослабившись, он взмахнул своей булавой и швырнул ее вперед, сразу на добрый локоть увеличив зону поражения. Лотар отлетел плотным мячиком влево, подождал, пока булава с треском воткнется в дерево, и развернулся на месте, разгоняясь так, что воздух запел под лезвием.

Костолом еще подбирал свою железку, вытягивая ее за цепь, когда кинжал воткнулся ему в шею. А Лотар отскочил назад и замер.

Костолом уже не поднимал булаву. Он стоял, широко, по-борцовски расставив ноги. Потом шагнул вперед, обхватил ствол дерева. По нежной древесине не очень толстого тополя вверх и вниз на пару ярдов разошлась трещина. Что ни говори, а удар у Костолома был неплохой.

Потом он сполз вниз и затих. Лотар повернулся к разбойникам. Те молча смотрели на поверженного главаря. Потом один за другим стали исчезать в кустах. Лотар заметил, что многие из них старались уйти совсем не в ту сторону, откуда появились. Пусть не все, но некоторые из этих людей в самом деле возвращались домой. Уже по этой причине следовало убить Костолома.

Сухмет улыбнулся сухими губами и принялся тщательно вытирать свою саблю.

– Больше всего мне жалко кролика. Остыл без пользы, – услышал Лотар его по-стариковски хриплый голосок.

Глава 3

К городу они подошли, когда солнце только-только скрылось за горизонтом. Дорогу, стены Мирама и даже стражников на стенах без труда видел даже Рубос. Ворота тем не менее оказались уже закрытыми. И дорога, ведущая к городу, была пуста, словно после заката все попрятались за стены. Сухмет покрутил от досады головой.

– А ведь это портовый, торговый город.

– Раньше было иначе, – сухо ответил Рубос.

Лотар попробовал определить, что это за город, какие тут люди и как им живется. Он и сам понимал, что это был не колдовской способ понять происходящее, а какой-то чересчур человеческий, упрощенный, который часто используют люди, избегающие сложных оценок. Но подобному впечатлению он доверился когда-то в Ашмилоне, и оно не подвело его.

В Мираме, на первый взгляд, все было на своих местах, но что-то неладное созревало в этом небольшом, зажиточном и слегка самодовольном городе. Люди здесь жили спокойные, бойкие на язык, терпимые к чужим привычкам и довольно трудолюбивые – такие нравились Лотару, но сейчас в их сознании наступал какой-то сдвиг, словно в огромном древнем куполе вдруг появилась почти невидимая, но ведущая к катастрофе трещина. В этом городе постепенно переставали верить в достоинство, в честь, в разумность человеческих усилий. Над городом тонкой пеленой начинали накапливаться зависть, злоба и почти неуловимая ненависть, которая ни на кого еще не была направлена, но от этого не теряла своей силы.

– Э-гей, на дозорной башне! – крикнул Рубос. – Последние петухи еще не пропели.

Если бы они взорвали у ворот мину, это, наверное, вызвало бы меньший переполох. Воины на стенах принялись готовиться едва ли не к штурму. С разных сторон слышались крики офицеров, а в надвратной башне жестко закрипел взводимый механизм катапульты. Лотар не поверил своим ушам. Но Сухмет произнес с суховатым смешком:

– Что-то их маловато тут собралось. Всего лишь сотни три, не больше.

Долгую тишину наконец прервал уверенный басок:

– Кто вы и что вам нужно?

– Мы путешественники, а нужно нам всего лишь попасть в город и добраться до хорошей гостиницы, – не повышая голоса, ответил Лотар.

– Откуда вы, путешественники?

Офицер на стене определенно не поверил им. Но за кого он их в таком случае принимал?

Взгляды дозорных оставляли на коже Лотара щекочущее ощущение. Он пристально взгляделся в темную небольшую башенку, выступающую из стены дальше остальных, откуда звучал голос разговаривающего с ними офицера.

– Мы вообще-то издалека. Последний раз, например, споткнулись на камнях Алдуина.

– Алдуин за морем, а вы идете пешком.

– Капитан отказался входить в порт, кто-то ему сказал, что здесь не все чисто. И последние тридцать миль нам пришлось пройти пешком. – Лотар помолчал. – Кстати, неподалеку от города на нас налетела банда грабителей. Но об этом лучше рассказывать с глазу на глаз.

На стенах упоминание о разбойниках было встречено доброжелательно. Это каким-то образом сняло напряжение. А Лотар думал, что им придется долго объяснять, что к чему, да как они посмели, да как решились. Люди в таких городах не очень-то доверяют добропорядочности чужеземцев.

– Как зовут главаря?

– Костолом его звали, – вмешался Сухмет. – Долго нас еще тут будут расспрашивать?

– И вы ушли, да еще... – человек на стене напрягал зрение, – с оружием?

– Если не веришь, сбегай по этой дороге до осинника. Тут недалеко, пяток миль туда и пяток обратно. За пару часов управишься. Он и сейчас там, наверное, лежит. В их банде не принято тратиться на похороны.

Молчание на стене сменилось дружным гулом, в котором звучало недоверие.

Внезапно Рубос воскликнул:

– Что-то голос мне твой знаком, командир! Уж не Гергосом ли тебя зовут?

– Меня зовут... Э, да и мне твой голос знаком. Постой, кажется... Рубос, старина!

– Он самый!

После этого все пошло как по маслу. Вот уже мост опущен, ворота раскрыты, и даже стражники вышли вперед с факелами, чтобы в жиденьких сумерках старый приятель их Гергоса не оступился ненароком на занозистых досках моста.

Оба приятеля долго хлопали друг друга по плечам, по спинам, по бокам, потом тискали друг друга так, что скрипели доспехи, и наконец, слегка запыхавшись, Рубос представил Гергосу своих спутников.

Гергос, капитан городской стражи, оказался светловолосым гигантом с крупными красивыми чертами лица. Но быстрые взгляды исподлобья и привычка ходить немного боком выдавали бессознательное желание оставаться незамеченным, отходить в сторону, как только этот человек сталкивался с кем-то, кто был богаче или выше его по рангу. К знакомым своего приятеля он, казалось, не проявил никакого интереса, но Лотар видел, как капитан стражников украдкой несколько раз оценивающе осмотрел их с ног до головы.

Должно быть, спутники Рубоса показали капитану подозрительными, потому что в воротах Гергос вдруг с тревогой спросил:

– Ну что, старый бродяга? Тебя-то я знаю, а вот чтобы пропустить твоих друзей, одного желания переночевать в городской гостинице маловато. Ты ручаешься за них?

– Ручаюсь, капитан, как за самого себя.

Рубос простодушно радовался. Сначала Лотар не понимал почему. Потом выяснилось, что оба великана были друзьями детства и, как это бывает, с детства пробовали соперничать, пока не поняли, что вместе добьются большего. Они даже наемничать отправились вместе и не один год провели бок о бок, пока наконец судьба не вернула Гергоса в родной город, а Рубоса по-прежнему уводила все дальше и дальше на юг. К тому же Лотару вдруг пришло в голову, что и он, если вернется домой, пожалуй, попадет в такой же водоворот чувств, вызванных воспоминаниями.

– Кстати, Костолома убил, конечно, ты? – полуутвердительно спросил Гергос.

– Нет. Скорее всего, я бы с ним не совладал. Его убил вот он, Желтоголовый.

Гергос удивился:

– Ты не скромничаешь, друг? Как он мог... да еще в окружении банды?

– Мы бились один на один, к тому времени банда уже выдохлась. Костолома подвела самоуверенность.

Гергос и солдаты с копьями, которые стояли вокруг, примолкли. Кто-то поднял факел, чтобы разглядеть Лотара получше.

– Ну что же, это большая услуга городу. Куда вы сейчас?

Рубос помрачнел.

– Ни дома, ни семьи у меня нет. – Он подумал. – Из наших кто-нибудь остался?

– Только, пожалуй, один Шув и помнит, какими мы были.

– Шув, толстый плут? Как он?

– Он держит лучшую гостиницу с лучшей в городе кухней. Только у него довольно дорого.

– Это не страшно, – беспечно махнул рукой Рубос.

– Ты разбогател?

– Не богаче нищего, но это действительно не имеет значения. Хорошо, что Шув остался здесь. Кто-то должен оставаться, чтобы было куда вернуться.

Гергос хмыкнул:

– Вообще-то для этого есть женщины.

– Ты женат?

– Кому нужна такая старая колода, как я? Впрочем, не все еще потеряно, тебе не кажется?

Сухмет демонстративно закашлялся, потом стал вытирать пыль с лица бледными, сморщенными пальцами. Еще немного, и ему захотят подать милостыню, несмотря на то, что он весь увешан золотом, подумал Лотар. Большого не потребовалось. Рубос все понял.

– Знаешь, Гергос, мы идем к Шуву. Если надумаешь, пошли вместе. Не знаю, что будет завтра, но отличный ужин сегодня я обещаю.

Капитан городской стражи улыбнулся:

– Мне нужно тут кое-что доделать. Но через пару часов, если ты не будешь спать, я мог бы выпить кружку-другую пенного сомского винца.

– Сомское винцо, – повторил Рубос. – Я и не помню, какое оно на вкус, лучшее из наших местных вин. Если обещаешь появиться, то я обязательно дождусь.

С улыбкой Гергос поднял руку в боевом приветствии.

В гостиницу Лотар, Сухмет и Рубос вошли так тихо, что даже пламя свечи, которая горела на столе возле двери, не дрогнуло. В лучшей гостинице города с лучшей кухней не было ни души и царила почти полная темень.

Рубос, сдвинув тяжелый шлем, почесал за ухом.

– М-да, не очень-то обнадеживает. Ну, ничего, сейчас мы... Эй, Шув, принимай гостей, каких не ждешь!

Его голос прокатился по пустому помещению, словно по сырому погребу. И не остался без ответа. Где-то в дальнем конце дома скрипнула дверь. Потом послышались мягкие, осторожные шаги, и на стене темного коридора появилось пляшущее пятно света. Чуть дрожащий голос проговорил:

– Сейчас посмотрим, кого бог в гости привел.

– Посмотри, посмотри, старый обжора, – пророкотал Рубос.

Трактирщик вышел, придерживая на груди халат из мягкой ткани, поднял свечу повыше, охнул и бросился вперед:

– Рубос, голубчик...

Он узнал Рубоса сразу. Или Рубос оставил в его памяти неизгладимый след, или он помнил свое детство так отчетливо, как это бывает только с очень одинокими людьми. Скорее всего последнее, решил Лотар.

Шув был полной противоположностью и Гергосу, и Рубосу. Он был толст, неповоротлив, потлив, и это почему-то вызывало подозрение, что кабатчик не очень умен. Длинные, редкие волосы Шува торчали в разные стороны. Это было бы забавно, если бы не еще большая странность – трактирщик был весь в морщинах. В складках кожи лица тонуло почти все – глаза, нос, губы. Даже уши, казалось, странным образом имели большее число извивов и перегородок, чем у нормального человека.

Сначала это вызывало неприятное чувство, но когда становилось ясно, что Шув добрый малый, рельефы на его лице казались даже обаятельными. Вскоре Лотар начал понимать, почему у Шува был самый удачливый, по словам Гергоса, трактир в городе, хотя пока это не очень подтвердилось.

Последовали охи, ахи, но объятий и похлопываний было уже гораздо меньше, чем с Гергосом. Возможно, Рубос опасался раздавить своего пышнотелого приятеля. Наконец вмешался Сухмет и решительно направил половодье воспоминаний в более практичное русло:

– Мы не просто так приехали, милейший. Мы еще будем тут жить и даже, что, вероятно, кое-кого удивит, ужинать. Например, прямо сегодня вечером.

– Но до ужина нам нужно помыться, – сказал Лотар. Он не мог избавиться от запаха чужой крови, застрявшего в ноздрях.

Когда гости, вымытые и размякшие после горячей воды и мыла, уселись наконец за стол, комната преобразилась. Ее освещало не меньше двух дюжин свечей, на столе были расставлены тонкие тарелки, а из массивных судков шкворчало, шипело, булькало, хлюпало и пахло так вкусно, что Лотар не успевал глотать слюну. Еще на стол выставили три огромных кувшина вина, как показалось Лотару, довольно посредственного. Шув, затянутый в тесный сюртук, который тоже сморщился на его теле, суетился, подгоняя двух мальчишек и трех служанок. Он решил устроить праздник.

И это ему удалось. Все было так восхитительно вкусно, так здорово приготовлено, что Лотар продолжал жевать, хотя уже чувствовал, как пища ложится в желудке избыточной тяжестью. Но сегодня вечером обжорство почему-то не казалось таким уж страшным грехом, особенно под шутки и смех Сухмета. Старик очень быстро сумел растопить холодок, возникший у Шuva, которого сначала шокировала привычка чужеземцев ужинать за одним столом с рабом.

Наверное, не пройдет и двух часов, как трактирщик и бывший раб станут лучшими приятелями, с грустью подумал Лотар. Сам он не умел вот так легко завоевывать друзей, и сегодня вечером это казалось несправедливым.

Когда все наелись и Рубос перестал уговаривать Лотара отведать их сомского, которое даже на взгляд вызывало оскомины, Сухмет, поигрывая красивой пиалой с изжелта-бледным, более чем наполовину разведенным вином, неожиданно спросил:

– Кстати, милейший, нам сказали, что твой трактирчик пользуется самой хорошей репутацией, но то, что мы видим... – Сухмет широким жестом обвел пустое помещение, – не вяжется с этими словами.

Шув погрузился:

– Это правда. У меня не было причин жаловаться на недостаток посетителей, да и люди заходили хорошие. Но с тех пор как стало ясно, что все мы скоро умрем...

Рубос отставил серебряный стаканчик с вином и выпрямился на своем стуле.

– Кто распускает такие сплетни по городу?

– Это не сплетни, Рубос. Так думают все. Бессмысленно кого-то наказывать за то, что он высказал это вслух.

– Хорошо, допустим, все так думают. Но почему? – спросил Лотар.

– Два месяца назад, когда собаки впервые появились в нашей долине...

– Что за собаки? – спросил Сухмет.

– Как, вы ничего не знаете о собаках? Где же вы бродили?..

– Мы только сегодня высадились в безлюдной местности с корабля, который привез нас из-за моря, – терпеливо объяснил Рубос.

– Ага, значит, вы и в самом деле ничего не заметили?

– Кое-что заметили, – уклончиво сказал Сухмет, – но не очень поняли, что происходит.

– Ну да, тогда ясно.

Лотар вдруг заметил, что за время ужина хозяин ни разу не присел, переходя от одного гостя к другому.

– Бери стул, садись и рассказывай. Если хочешь, налей себе вина, его все равно осталось больше, чем мы сможем выпить за неделю.

Шув кивнул, тихо поставил стул рядом с Рубосом, присел на кончик, плеснул в небольшой керамический стаканчик сомского и стал рассказывать:

– Они появились, как я уже сказал, два месяца назад. Ночью, как и всегда потом появлялись, с громким топотом и лаем, от которого тряслась земля. Люди сначала думали, что с ними можно будет как-то справиться, но они лишь носились по округе и на людей не больно-то обращали внимание. Потом стало известно, что они нападают на разные дома и разбирают их в куски.

Сухмет, который до этого спокойно слушал, глядя в потолок, вдруг нетерпеливо заерзал на своем месте. Шув тут же послушно замолчал и отхлебнул из стаканчика.

– Это все проделывали обычные собаки? – спросил Лотар.

– Что вы, конечно, не обычные. Они огромные, выше дома в несколько этажей. А еще говорят... – Шув боязливо оглянулся на темные углы. – Говорят, что они из гранита, но двигаются, как живые, правда, немного медленнее.

Сухмет откинулся на спинку стула и обвел всех недоуменным взглядом.

– А как вы пытались с ними справиться, если они из гранита? – спросил он.

– Ах, сейчас и говорить об этом смешно. Бросали в них бочки с горячей смолой и маслом, пытались разбить их стволами тяжелых деревьев, несколько раз заманивали в ямы-ловушки с кольями на дне...

– И ничего не помогло?

– Все оказалось бесполезным. Даже ямы этих чудовищ не могли погубить. Колья ломались под их тяжестью, а мягкие стены ловушки осыпались до тех пор, пока собака не выбралась из нее и с громовым лаем не уносились неизвестно куда.

– Значит, они только бегают и проглатывают дома? – спросил Рубос.

– С этого началось. Потом кое-кто побогаче решил уехать из города, но тут по краю долины обнаружился какой-то барьер, через который людям не перейти. И даже морем уплыть невозможно. Все время возвращаешься назад, откуда начал путь...

– Это мы уже знаем, – сказал Рубос. – Вот тогда-то все и испугались по-настоящему. Стало ясно, что все это кем-то подстроено.

– Стоп, – сказал Сухмет. – Я не самый большой дурак на свете, но все-таки не понимаю, почему вы считаете себя обреченными на смерть из-за того, что вокруг Мирама поставлен магический барьер.

Шув пожал плечами:

– По-моему, это каждому понятно. Барьер стоит денег, а разве кто-нибудь будет так тратиться, если не добивается своей цели? И, скорее всего, это приведет всех нас к гибели, а кого-нибудь одного к богатству или власти.

– Продолжай.

– А потом появились мародеры. Никто не знает, откуда их столько набежало в наш край. Они были злые, голодные, жестокие. Никого не щадили и никому не давали спуску. Люди, конечно, бросили все, засели по замкам или набились в город. Те, кто побогаче, владельцы замков, решили сорвать на этом неплохой куш, подняли цены на съестное, но не очень, иначе все ушли бы в город. И тогда тот, кто все это затеял, натравил собак на замки. Они стали врываться в крепости, ломать стены, глотать башни, а людей убивали мародеры. Скоро настанет черед и Мирама. Недолго уже осталось. – Шув допил вино и шмыгнул носом.

– И тем не менее мне не все понятно, – сказал Лотар. – Мародеров можно выгнать, для этого существует дружина.

– Почему-то в городе очень многие считают, что от собак пострадают только богатые или знатные, а простым людям и даже дружинникам бояться нечего. С таким настроением дружину не соберешь. – Шув обреченно махнул рукой. – Наш князь опоздал.

– Но мародеры-то наверняка грабят всех подряд?

– Конечно, всех, но люди этого уже не замечают. Вот я и говорю: что-то готовится.

– А почему все-таки у тебя никого нет? – спросил Рубос.

– Кто-то пустил слух, что собаки не любят воды и потому те, кто не сходит на берег, останутся жить. Вот и подались все к морю. Это какое-то сумасшествие. Строят плоты, понтоны из бочек, обыкновенные фелюги продают втридорога, и все только ради того, чтобы не попасть на зуб какой-нибудь собаке, которой до людей и дела нет.

– Значит, у тебя постояльцев, кроме нас, нет?

– Есть один, только...

– Что такое?

– Он странный какой-то. Я и объяснить не могу, но что-то с ним не так. – Он подумал. – Конечно, может, и он просто-напросто боится, как многие, только ведет себя странновато...

– Как его зовут?

– Он просил называть себя господином Курбаном.

Лотар посмотрел на Сухмета.

– Это не имя, а прозвище. Так на Востоке величают себя многие вельможи.

– Ладно, познакомимся еще, представится случай, – сказал Лотар. – А теперь ответь на мой вопрос, только как следует подумай. Кого люди подозревают в том, что происходит в Мираме? Может быть, называют какие-то имена, может, кто-то рассказывает что-нибудь необычное?

– Необычного, господин хороший, сейчас в Мираме столько, что и не перескажешь. А имена, конечно, называют. Даже два. Первого, кого обвиняют, так это нашего господина Кнебержиша. Он лекарь, живет в Мираме недавно, и десятка лет не прошло, как он появился. Сначала думали, что он, как все, деньги любит и пилюли продает, а потом выяснилось, что он еще кое-чем занимается.

– Например?

– Не раз и не два видели, как он читал книгу, писанную неизвестными знаками на черных пергаментях и переплетенную в черный сафьян. И от нее пахло серой и плесенью. Значит, непростая это книга. Еще видели, что он ходил в дальние пещеры, где скрываются те, кто промышляет наговором, порчей и магией. Да и вообще, чародеи и лекари – одна компания.

– Что за дальние пещеры?

– Катакомбы на северных отрогах долины, – ответил Лотару Рубос. – Мы мальчишками часто туда бегали. Никто там не скрывается, сказки это.

– А кто второй, кого обвиняют в появлении собак?

– Сам воевода, господин Сошур. Это он приказал своим слугам выкапывать ямы с кольями на дне, когда собаки только появились. И когда собаки к нам пожаловали и всем стало ясно, что так их не одолеть, он попытался от этого откреститься. Тайну на все напустить. Но когда кто-то из его людей к мародерам ушел, тайна вся и лопнула. Тогда, я помню, большой шум в порту поднялся. Хотели даже идти к нему выяснять, почему он от этого отрещивается, но князь тогда был еще в силе, и дело кончилось ничем. Впрочем, может, и не ничем. Я слышал, как Сошура то здесь, то там недобром поминают. К тому же он с Кнебержишем дружбу водил, и они вполне могли это дело на пару затеять.

Сухмет ухмыльнулся:

– А что эти двое выиграют, если собаки нападут на город?

Вопрос застал Шува врасплох. Он покрутил головой, потом подергал рукава сюртука, словно они слишком плотно обтянули его жирненькие руки и теперь он почувствовал, как ему давит подмышки.

– Не знаю. Не мое дело разбираться в этом. Может, у них есть еще что-то в запасе, чего никто не знает?

– Может, – согласился Лотар. – А сколько замков осталось в Мирамской долине?

– Только два – господина Кибата и господина Бугошита. Конечно, если не считать терем воеводы Сошура, который находится здесь, в городе.

– А они к нападению собак готовы?

– Уж больше месяца на военном положении.

– Понятно. – Лотар помолчал. – Расскажи о семье князя.

– Ну, князь – он и есть князь. Раньше был хозяин, во все нос совал, со всем разбирался.

И торговлю иногда сам вел, и на охоту ходил с одной рогатиной, а теперь постарел и тянет его больше пиры задавать. А изменился он, когда его жена Рассулина умерла. Хорошая женщина была, светлая ей память. Осталась у князя дочь, Светока, которую он любит даже больше, чем наследника – Прачиса. Мальчишке сейчас самое время в силу входить. Пока беда не случилась, некоторые даже говорили, что уж очень он рассудителен, больно много о себе понимает, а сейчас вздыхают, что молод очень. Если бы он чуть постарше был, глядишь, как-нибудь да выкрутились бы из беды.

– Угу, – буркнул Сухмет, пожеывая что-то. – Способный, значит.

– Да я и сам так думаю: если бы Прачису хорошего советника...

– А кто у него советники? – спросил Рубос.

– Сошур, он всегда в городе, и Бугошит. Этот собак не боится, к морю даже головы не поворачивает, давно бы уехал в свое имение, да его князь не пускает. Известное дело, они одногодки, вместе бедокурили, вместе за Рассулиной бегали, сейчас вместе и старятся.

– Так что, у него ни жены, ни детей нет?

– Как не быть. Жена у него, поди, третья, и детей полон короб, только они как-то недружно живут. Вот боярин и сидит в городе, а семья еще где-то, да я не знаю где, скорее всего, на одном из боярских кораблей.

Сухмет вытер пальцы о расшитую салфетку и глотнул разведенного вина из пиалы.

– А что все-таки думает князь?

Шув вздохнул:

– Похоже, ничего не думает. – Он вдруг всплеснул руками. – Да, чуть не забыл! Там в детинце есть один человек, он сейчас почти что самый главный... Бывший лекарь, кстати. Но он уже давно в колдуны подался. Злой он и способен на разные штуки, какие и не пере-скажешь, но князь его слушает.

– Что же это за разные штуки, милейший Шув?

– Знаете что, гос... – Шув запнулся, чувствовалось, что у него язык не поворачивается назвать господином человека с ошейником.

– Можешь называть меня по имени – Сухмет, как все делают.

– О том вам лучше бы с ним самим поговорить.

– Да стоит ли он того, чтобы с ним разговаривать? – лениво, но со значением проговорил Сухмет и быстро из-под опущенных ресниц взглянул на Лотара.

Рубос от волнения привстал, но тут же сел. Его внимание привлекла дверь трактира, которая стала тихо открываться в темноте. Лотар уже знал, кто за ней стоит, а Сухмет, пожалуй, почувствовал, что происходит, еще раньше. Рука Рубоса непроизвольно дернулась к перевязи меча. Но он тут же расслабился, и углы его губ дрогнули в улыбке.

– Вообще-то все это должен решать князь, – проговорил Шув, который ничего не заметил.

– Вот я всех заговорщиков и замел на месте! – пророкотал из темноты громкий уверенный бас.

Шув вздрогнул и вскочил со стула. А Рубос растянул рот до ушей. В круг света вошел Гергос.

Лотар снова подивился разнице между его уверенным голосом и манерами, в которых читалась едва ли не откровенная слабость. Но сейчас это можно было объяснить: Гергос был измучен до фиолетовых кругов под глазами.

Рубос встал, хлопнул его по плечу:

– Садись, друг. Вина еще осталось столько, что нам хватит до утра.

Гергос сел, вытянул ноги в тяжелых сапогах, откинулся на спинку стула, на котором только что сидел Шув.

– Может, ты есть хочешь? – негромко, по-свойски спросил капитана городской стражи трактирщик. – У меня всего на кухне наготовлено...

– Нет, только выпью за приезд этого бродяги, – Гергос кивнул в сторону Рубоса, улыбнулся, потом внимательно посмотрел на Лотара и Сухмета, – его друзей и пойду спать. Вторую неделю сплю не больше трех часов за ночь.

Шув уже появился с чистым стаканчиком. В жесте, каким он поставил его перед Гергосом, были подчеркнутая вежливость и фамильярность. Так мог бы держаться лакей, который знает о своем господине все и потому многое может себе позволить, но не хочет потерять работу и при людях держится в рамках.

Лотар не стал больше думать об этом. Отношения этих людей не касались его, они просто не имели никакого значения. Но ощущение настороженности, скрытой напряженности у Лотара осталось.

Глава 4

Свечи не успели оплыть, а за столом уже повисла тишина. Как ни хлопали друг друга по плечам Рубос с Гергосом при встрече, а рассказать обо всем, что с ними происходило за эти годы, оказалось несложно. Или в самом деле следовало заводить очень обстоятельный и долгий разговор, который был бы уже попыткой начать новую дружбу, а не продолжить старую. Да и волновало всех не прошлое, а то, что происходило сейчас.

Поэтому Лотар не стал церемониться и напрямую спросил:

– Что известно о собаках?

– А что известно вам? – быстро спросил в ответ Гергос.

– То, что рассказал я, – медленно, с непонятной опаской произнес Шув.

Гергос кивнул, но слегка пренебрежительно.

– Слухов в самом деле очень много.

– А что не «слухи»? – спросил Рубос.

– Я не знаю.

Но даже Рубос почувствовал, что это лишь попытка уйти от ответа.

– Вообще-то я спрашиваю не просто так, – произнес Рубос. – Может так получится, что этот вот мальчишка поможет тебе, мне, нашему князю, городу... Людям.

Усталые, с набрякшими веками, глаза Гергоса стали уже, в них мелькнула искра веселья. Он поднял свой стаканчик вина:

– Может, лучше выпьем за непобедимую команду наемников, прибывших с Алдуина?

– Я говорю совершенно серьезно. Этот мальчишка, как ни странно, способен остановить каждого, кто затеял злое дело против нашего города.

– Он способен справиться с каменным, абсолютно неуязвимым псом размером с небольшой замок?

– Возможно, пес – не самое главное в этом деле, – спокойно произнес Лотар. – Это понятно каждому, кто сталкивался с силами зла.

– А что самое главное? – с тревогой в голосе спросил Шув.

– Что приходит потом. Или то, что управляет этими собаками.

– Или что-то, что выстроило вокруг города невидимую стену с односторонней проницаемостью, – добавил Сухмет. – Или что-то еще. Ведь ясно как день, что собаки – лишь часть какого-то плана. Вот и нужно найти слабое звено этого плана и разрушить его.

Гергос улыбнулся:

– Бродячие колдуны, занятые бескорыстным разрушением зловных планов неизвестно кого?

– Почему же бескорыстным? Я наемник, и очень недешевый, если на то пошло. Потому что мне удавалось то, что не получалось у других.

– А колдун в нашей компании вообще-то я, – скромно сказал Сухмет и откусил кусочек куриного крылышка. – А что касается желания побродить по свету – это не признак неудачника. Скорее наоборот, неудачник как раз и боится тронуться в путь, потому что может потерять то небольшое, что у него есть на одном-разъединственном месте, где он живет.

Гергос больше не улыбался.

– Что ты имеешь в виду?

– Я пытаюсь пошутить.

Но в тоне Сухмета сквозила настолько резкая, злая насмешка, что Лотар тут же поднял свою кружку с водой и произнес:

– В любом случае мне тут не грозит непонимание, ведь я ничего не доказываю. И вовсе не напрашиваюсь на службу. Давайте выпьем за то, чтобы ничего не доказывать.

Рубос исподлобья взглянул на Гергоса и с нажимом произнес:

– А я напрашиваюсь. Потому что капитан городской стражи, кажется, не способен сообразить, что Лотар, прозванный Желтоголовым, случайно оказавшийся здесь, – величайшая удача для всех, кто хочет добра Мираму.

– Нет ничего проще, – быстро проговорил Гергос. – С сегодняшнего вечера можешь считать себя на довольствии сержанта. И я уверен, что в этом чине ты пробудешь недолго, с твоим-то опытом...

– Я не стою и гвоздей на сапогах Желтоголового, – проговорил Рубос. – Как ты не понимаешь, Гергос?

– И для него на стене найдется бойница, где пара умелых рук не будет лишней. Правда, не уверен, что сыщется вакансия сержанта...

– Во-первых, на стену я не пойду, – произнес Лотар. – Как известно, из бойницы не тот обзор. Во-вторых, сомневаюсь, что и за оклад сотни сержантов я без определенной договоренности соглашусь встать на сторону города. А в-третьих, я должен отчитываться перед самим князем, чтобы разные сержанты не вставляли мне палки в колеса по своим мелочным сержантским соображениям.

Гергос потряс головой. Даже Шув отвел глаза – настолько явно капитан мирамской стражи был сбит с толку.

– Делаю, что хочу, отчитываюсь перед князем, и еще какие-то договоренности... Зато деньги – как сотне сержантов и даже больше. Что же это за служба такая? И как мы узнаем, что ты действительно делаешь что-то стоящее?

– По результату. Если собаки исчезнут, это и будет моей работой. Повторяю, будет, если я захочу заняться этим делом.

– А если нет?

– Тогда ни ты, ни князь, ни город ничего не теряете, – торопливо прогудел Рубос. – По-моему, все очень просто.

– Просто? – Гергос почесал переносицу тонким пальцем с обкусанным ногтем. – Но как этот чужак может понять что-то в наших бедах, если и сами мирамцы ничего не понимают?

– Вряд ли это забота того, кто нас нанимает, верно? – спокойно произнес Сухмет. – Он покупает результат, а не действия и, следовательно, не должен их критиковать.

– К чему этот разговор? – спросил после недолгого молчания Лотар. – Я вовсе не собираюсь вмешиваться в проблемы Мирама, хотя и намеревался пожить здесь некоторое время.

– Если ты не поможешь, мой господин, вряд ли у тебя будет возможность жить здесь, – усмехнулся Сухмет. – Придется резво уносить отсюда ноги...

– Лотар, я тебя прошу, – произнес Рубос очень серьезно. – Пойми, я здесь родился, здесь живут люди, о которых я вспоминал почти пятнадцать лет, пока странствовал. И хоть я давно здесь не был, я могу жизнь отдать за это место и даже не пожалею об этом. И мне кажется... нет, я знаю, что только ты можешь сейчас помочь городу, а больше у него нет никакой надежды.

Гергос допил вино и решительно потянулся за шлемом, который лежал возле его стула на полу.

– Все это очень уж чудно. Упрашиваем, уговариваем... Все равно времени мало осталось. Они приходят к нам в долину на одну неделю в месяц. За два предыдущих раза разрушили все замки и укрепленные башни. Последним пал замок Кванета, ты его должен помнить, Рубос. – Рубос торопливо и хмуро кивнул. – А на этот раз придут, чтобы разрушить город. Значит, три-четыре ночи, и все. Не будет больше ничего. А тем, кто останется, может, будет нужно что-то совсем другое...

– А почему они приходят на неделю в месяц? – спросил Сухмет.

Гергос набычился. Потом вздохнул и надел шлем, откинув назад кольчужный нащечник.

– Никто не знает.

– Так не бывает, – сказал Лотар, откидываясь на спинку стула. – Кто-то знает, только не хочет, чтобы это знали все.

– Лотар, – снова позвал Рубос. – Если князь сделает тебе предложение, за деньги или как-то иначе, как ты хочешь, ты согласишься? Лотар, об этом тебя прошу я.

– Как это ни странно, – произнес вдруг Шув, – кажется, я тоже прошу тебя, господин Желтоголовый.

– Лучше зови меня Лотаром, как все остальные, – быстро проговорил Желтоголовый.

Гергос поднялся. Он стоял теперь выше всех, и свечи отбрасывали множество теней от этой мощной, сильной, темной фигуры. И никто не мог бы сказать, какая из них настоящая.

– Мне кажется, господин мой, мы вполне могли бы заняться здешними делами, – сказал, сладко улыбаясь, Сухмет. – Возможно, это лучший способ пожить тут с удовольствием.

Тишина повисла такая, что даже треск свечей казался слишком громким. Шув тихонько повернулся и сурово посмотрел на них, как на непослушных служанок. Лотар отчетливо услышал, как хрустнули его суставы, должно быть, позвоночник почтенного трактирщика был не в лучшем состоянии.

Сухмет облизнул пальцы и гулко глотнул своего разведенного вина. Когда он поставил пиалу на стол, все заметили, что даже Гергос ждал ответа Лотара. Капитан городской стражи понял это и повернулся, чтобы уйти.

– Господин мой, как бы ты ни надеялся, что это дело тебя не касается, кажется, ты ошибаешься. В любом случае мы уже влипли, хотя и не очень основательно, но будет лучше, если мы примемся за дело, чтобы потом не жалеть об упущенном времени. Даже наш достойный капитан говорит, что времени почти не осталось, так что решай скорее. Кроме того, в незнакомом месте неплохо бы иметь...

Сухмет хотел сказать, что неплохо было бы заручиться покровительством князя, если им удастся сделать что-то существенное. Он не стал договаривать при Гергосе, но даже Шув сообразил, что он имел в виду.

– Да, любая помощь, какая возможна, господин Лотар, будет... в будущем зачтется, как вы себе и представить не можете. У нас очень благодарные жители, – подтвердил Шув.

Лотар поднял глаза на Гергоса:

– Когда можно будет попасть к князю?

– Да прямо сейчас, – ответил Рубос. – Даже я помню, что князь всю жизнь ложился с первыми петухами, а вставал чуть ли не к обеду.

Казалось, Гергос уже пожалел, что задержался тут слишком долго.

– Ну, не такая уж я важная фигура, чтобы сразу вести вас к князю.

– Такая, Гергос, такая, – вдруг решительно заметил Шув. – Если потребуется, ты можешь не то что пару колдунов провести к князю, но даже меня. Князь хоть и не тот хват, что прежде, но чиниться, кажется, так и не научился. Да у него сейчас самое обеденное время!

– Тогда еще одно. – Лотар перевел взгляд своих серых глаз на трактирщика. – Мы оставим свои пожитки у тебя, любезный Шув? Я возьму только меч.

– Разумеется, господин. Я сделаю все, чтобы к вашему возвращению комнаты для столь уважаемых гостей были готовы.

Рубос, однако, заколебался. Он задумчиво потеребил бороду.

– Знаешь, Шув, у нас там изрядная сумма... Так что будет лучше, если ты запрешь ее куда-нибудь.

– У меня не было воровства последние двенадцать лет, Рубос. Я абсолютно доверяю своим слугам, так что можешь не беспокоиться.

– М-да, – произнес Гергос, почесав переносицу. – В общем, если постараться, это все можно устроить, вот только...

– Что? – в один голос спросили Рубос и Шув.

– Оружие. Не то чтобы мы вам совсем не доверяем, но...

– Без оружия я никуда не пойду, – спокойно проговорил Лотар.

– Но это не по протоколу – водить вооруженных чужеземцев к князю.

Шув огорченно покачал головой:

– Гергос, через пару дней, если совсем ничего не предпринять, от всех нас останется только «черный пудинг», а ты говоришь о протоколе.

Лотар вспомнил, что «черным пудингом» в этих краях называют овсянку крупного помола, залитую особым образом приготовленной бараньей кровью. Кушанье было, судя по всему, на любителя, но вид его был и вовсе отвратительным для непривычного глаза.

Шув отодвинулся от стола толчком, от которого дрогнула столешница и качнулось вино в стаканах. Совершив этот геройский для своей комплекции поступок, он стал решительно одергивать свой сюртучок и стряхивать невидимые пылинки.

– Ты что, тоже идешь? – изумился Гергос.

– Я? Нет, конечно. Но я буду ждать моих гостей, пока они не вернуться. И первым узнаю, чем кончилась эта затея.

– Вот тут ты ошибаешься, Шув, – пророкотал Рубос. – Конец этой, как ты сказал, затеи мы узнаем не скоро.

Глава 5

Детинец мирамского князя был построен не как оборонительное сооружение, а скорее как обычный терем с огромным количеством удобных окон, с большими, красивыми, но очень ненадежными при обороне дверями и весело разбросанными там и сям башенками, которые радовали глаз и, вероятно, восхищали заморских купцов своей непрактичностью.

Детинец совсем неожиданно для Лотара оказался всего в сотне шагов от трактира, где они ужинали. Хотя это был самый центр города, выстроенный прежде всего для удобства торгового люда, вокруг было тихо и пустынно, как здесь вряд ли бывало в обычные времена даже в самую глухую ночь.

Лотар поднял голову. Звезды на высоком и чистом небе горели ослепительным светом. В южных широтах они казались низкими, доступными и почти сливались с пейзажем. А здесь становилась ясна их непостижимая и таинственная сущность, в них появилась холодная недоступность. Лотар вдохнул полной грудью. Это еще не были звезды его родного Северного континента, но они так походили на небосвод, который он привык видеть с детства, что можно было и не замечать разницы.

Гергос с тревогой обернулся, пытаясь найти растворившегося в темноте чужеземца. Лотар усмехнулся. Вокруг не горело ни одного огонька, поэтому Гергос и не заметил, куда подевался этот расторопный юнец. Это странно успокаивало после не совсем понятной напряженности и недоверия, которые отчетливо читались в Гергосе в трактире Шува.

Пока еще было время, Лотар быстро осмотрелся. С правой стороны от терема стояли дома именитых горожан, служилых и просто богатых торговцев, как и полагалось в Мираме. Напротив через площадь стояли дома, почти целиком превращенные в торговые ряды, меняльные лавки и многочисленные конторы.

Нигде не было ни души. Даже стражники не стояли у своих рогаток, даже обыкновенные околоточные сторожа с колотушками куда-то подевались. Даже перед широким открытым крыльцом княжеского терема не было видно ни одного самого заваливающего стражника. Лотар догнал Гергоса.

– Где твои люди, капитан?

Гергос вздрогнул, не ожидая, что Лотар так неожиданно появится у плеча. Это тоже странным образом успокаивало Лотара. Рубос, который гораздо лучше ориентировался, чем его старый приятель Гергос, подрастерявший сноровку от чересчур спокойной службы, невольно хмыкнул.

– Все, кто может держать оружие, – на стенах. Я приказал даже в тереме вооружить челядь, чтобы не отвлекать своих людей от главного.

– Думаешь, они собак сдержат? – поинтересовался Сухмет.

Гергос вздохнул:

– Там они, по крайней мере, больше при деле, чем здесь. Все же мародеров и прочую нечисть, которая набежала к нам в последнее время, поугадают, если те слишком уж нахально в город попрутся.

– И получается у них? – с интересом спросил Рубос.

– Не очень, бандитов стало слишком много. Иногда я думаю, что эту хитрую невидимую пелену вокруг Мирама повесили для того, чтобы здесь накопилось всякого отребья со всех южных морей и со всего Западного континента. Их уж и гонят, и ловят, и просто вешают, а они не переводятся.

– То, что их в город не пускают, это хорошо, – сказал Сухмет. – Только и с теми, кто здесь, можно бучу поднять. Известное дело – портовый город.

– В порту своя стража. Мы их на стены не водим. Пока справляются.

Толково, подумал Лотар. Или дело зашло так далеко, что уже и это не пугает тех, кто задумал преступление?

Рубос вдруг хлопнул Сухмета по плечу:

– Вы, ребята, думайте, главное – думайте. Без этого городу, похоже, хана скоро наступит.

Гергос посмотрел в ту сторону, откуда раздался этот взволнованный голос, но так и не разглядел Рубоса, и Лотар понял – это не маскировка, он действительно не умеет ориентироваться в темноте.

– Ты, кажется, считаешь, что мы уже ни на что и не годны?

– Вы?.. Вернее, мы? Да, я именно так и считаю.

Гергос повернулся так резко, что ножны меча описали в воздухе полукруг и хлопнули его по бедру.

Остальной путь до замка они проделали молча. Двери были, конечно, заперты. Пока в окошке стражника появился свет, пока кто-то возился с засовами с той стороны двери, Гергос сердито смотрел на Сухмета. Должно быть, он сомневался, стоит ли пускать раба в замок с красного крыльца. Но он все-таки ничего не сказал. Вот что значит торговая выучка, подумал Лотар, никаких тебе пересудов. Теперь он лучше понимал некоторые черты и в характере Рубоса.

Наконец стражник откинул какие-то крючки и открыл одну створку двери. За ней пришельцев встретил всего-то один арбалетчик с худой, неуверенной физиономией. Пара решительных людей справилась бы с ним простыми кухонными ножами, решил Лотар и вздохнул. Но, возможно, все дело в том, что с ними был Гергос.

Затем их провожатый пошептался о чем-то со стражником, и они пошли по коридорам, в которых становилось все светлее. Наконец все четверо оказались в довольно большом зале, расписанном фресками, изображающими сумрачных, застывших в нелепо-торжественных позах мореходов и торговых капитанов. Лотар был уверен, что это не вояки. На портрете воина на переднем плане непременно красовалось бы оружие, а на заднем кипела бы какая-нибудь битва, на которую «герой» не обращал бы никакого внимания. А тут все было наоборот. Эти люди держали в руках морские карты, навигационные инструменты и иногда книги. А за спинами у них плескалось море, и по нему весело плавали корабли и разные лодки. Да, решил Лотар, за это стоит побороться.

В небольшом закутке зала, в самом его освещенном месте, сидели люди, были слышны их голоса и звон посуды. Гергос строго осмотрел своих спутников и поправил, как новобранцу, застежку на поясе Сухмета. Старый раб сразу догадался и принялся приводить себя в порядок. Хотя он-то и был одет лучше своих спутников, а украшений на нем было навешано столько, что хватило бы на полдюжины Рубосов и десятка на два Лотаров.

Наконец к Гергосу бесшумно приблизилась и почти беззвучно хлопнула в ладони какая-то фигура. Гергос сразу шумно и резко, звеня оружием и стуча каблуками на весь зал, зашагал вперед. Лотар, Сухмет и Рубос последовали за ним.

Они оказались перед обеденным столом, за которым сидели трое мужчин среднего возраста, молоденькая девушка и юноша с длинными вьющимися волосами. Во главе восседал измученного вида старик с длинными белыми усами, которые ему совершенно не шли, потому что только подчеркивали болезненную серость кожи. Похоже, он скоро умрет, решил Лотар.

Он чуть было не включил свое магическое видение, чтобы определить, что же донимает князя, но вовремя сдержался. Даже за такую безвредную магию на Юге могли попотчевать стрелой в спину раньше, чем сообразили бы, что пришелец ничего дурного не хотел. Здесь был, конечно, не Юг, но стоило ли рисковать добрым отношением? Как ни просто

было оказаться перед князем Мирама, вряд ли попытка осмотреть его останется незамеченной местными магами.

– А, – почти беззвучно проговорил князь, – Гергос, мой славный капитан. Что-нибудь случилось?

– Мой князь Тизун, я привел к тебе трех наемников, которые хотели бы выяснить, откуда взялись собаки в нашей долине, и, возможно, помочь от них избавиться.

Лотар покачал головой и выступил вперед:

– Прошу извинить меня, князь, и ты извини, Гергос. Я пришел совсем с другим предложением. Я и мои друзья предлагаем избавить Мирам от собак, которые донимают ваш город, но для этого нам необходимо кое о чем договориться.

– Избавить? – Князь Тизун посмотрел на Лотара, потом с растерянным видом повернулся к мальчику с вьющимися волосами: – Прачис, я не ослышался? – Он повернулся к девушке: – Светока, мне показалось...

– Тебе не показалось, папа. – Девушка с тревогой рассматривала Лотара.

Со временем она будет еще красивее, решил Лотар, но тяжелый подбородок и высокий лоб не обещают легкой жизни ее мужу. Впрочем, откуда я знаю, как мирамцы обращаются со своими женщинами? Может быть, женщины с твердым характером у них как раз и считаются самой удачной партией?

Лотар скосил глаза на товарищей. Рубос, славный рубака и честнейший воин, гордый своим прозвищем Капитан Наемников, стоял навтыжку и не сводил глаз с девушки. И его обычно чуть-чуть улыбающиеся глаза смотрели с такой тревогой, с какой Рубос не смотрел и на принцессу Мицар, когда она колотила его так, что сломала Рубосу несколько ребер, несмотря на чешуйчатый панцирь.

Наконец княжна заметила его невежливый взгляд и, чуть нахмурившись, опустила глаза.

– Он сказал, что избавит нас от собак, ты слышал, Бугошит?

Старик, сидящий рядом с молодым княжичем и, по всей видимости, наследником престола Прачисом, нервно кивнул:

– Он сказал именно так, князь. Я бы на твоём месте не очень доверял чужеземцам, которые слишком много обещают.

Но князь не слушал его. Он повернулся к толстяку, который выходил встречать Гергоса и его спутников:

– Воевода, мне придется тебя отблагодарить за эту замечательную встречу. Да, отблагодарить...

Толстый воевода так низко поклонился, прижав руку к сердцу, что его непомерно длинный чуб упал на лицо. Несколько волосинок прилипли к потному носу, даже когда он привычным жестом отбросил прядь в сторону.

– Папа, может быть, нам следует спросить этих людей, как они собираются выполнить свое обещание? – спросил княжич.

– И главное, сколько это будет стоить, – буркнул старый Бугошит. – Сколько вначале и сколько в конце?

Князь быстро обернулся, посмотрел по сторонам:

– А где Капис? Опять он удрал в свою библиотеку. Кванет, ты не можешь сходить за ним?

Один из обедающих, кого Лотар еще не знал по имени, поднялся и ушел в темный угол зала, где, вероятно, находилась дверь. Лотару бросилось в глаза, с какой любовной тревогой проводили его фигуру княжич и княжна. Не нужно было даже включать магическое видение, чтобы понять, что это воспитатель обоих княжеских детей. Однако, несмотря на очень хорошее происхождение, может быть, даже равное местному дворянину, он был на положе-

нии слуги, хотя и особого рода. Вот и сейчас князь попросил его сходить за неведомым пока Каписом, потому что любому другому этот Капис отказал бы, а Кванету не мог, потому что наставник княжичей явно был фигурой влиятельной.

Лотар вздохнул. Слишком легко он стал понимать все, что тут творилось. Или это было признаком настоящей, а не показной искренности, или эти люди уже настолько подчинились выпавшему на их долю несчастью, что придется укреплять их желание сопротивляться обстоятельствам.

– Эх, жаль, Кнебергиша нет... Что? – Никто ничего не произнес, но все посмотрели на князя с таким укором, что он тут же спохватился: – Ну все, молчу, молчу.

Потом он оглядел Лотара, Рубоса, Сухмета, широко улыбнулся, как будто остался доволен увиденным, и спросил:

– Может быть, вы есть хотите, молодые люди? Присаживайтесь, пусть Сошур позовет кого-нибудь из челяди, они принесут стулья, и мы все обсудим за едой. Нет ничего лучше, чем потолковать о серьезном деле закусывая. Я смолоду так делал, и вот теперь так делаю, и как будто редко ошибался. Что ты говоришь, Бугошит? Опять не согласен со мной?

Боярин Бугошит медленно, лениво жевал что-то, но на всякий случай кивнул. Лотар сомневался, прислушивался ли он к словам князя. Пора было действовать. Лотар поклонился:

– Благодарю, князь. Мы вполне достойно поужинали в трактире недалеко от твоего терема, поэтому не успели проголодаться.

– Ну тогда, может быть, вина? Прикажи принести три новых кубка, Сошур.

– Мы отведали сомского, князь. Такого вина нет на всем Южном континенте.

– Что же ты все отказываешься? Невежливо как-то получается, я предлагаю, а ты все время отказываешься... Может быть, тогда созовем большой совет, туда и подадим вино. Я всегда любил, чтобы на советах, особенно если они допоздна затягиваются, подавали горячее вино с кардамоном. Отличная штука. Мне-то уж нельзя, но когда я был молодым, как ты... – Он огляделся. – Что, я опять что-то не то говорю? Ну, молчу, молчу.

– Нет, что ты, все очень правильно и дельно, мой государь, – проговорил Сошур. Он уже сидел за столом и так же лениво, как Бугошит, жевал что-то, старательно двигая челюстями.

Пожалуй, пора кончать спектакль, решил Лотар.

– Вообще-то мы говорили о собаках.

– Вот именно. Я полагаю, нам следует согласиться со всеми твоими условиями, если ты действительно обещаешь избавить нас от них.

– Я обещаю, что сделаю все, что в моих силах.

– Каков нахал, – проронил Бугошит, – сначала обещает, потом тут же увиливает... И даже не говорит, что попробует сделать, а сразу – я сделаю.

Последнее слово он протянул, подчеркивая его нелепое звучание. Лотар усмехнулся:

– Нужно делать или не делать. А пробовать... Я ведь не тренировку предлагаю, а серьезную драку, в которой, может быть, прольется немало крови.

– Хорошо. – Бугошит нахмурился, но сдержался и перешел к делу: – Сколько ты хочешь?

Лотар взглянул на Рубоса. Тот по-прежнему пожирал глазами Светоку, но старался все-таки не выглядеть таким истуканом, как вначале.

– Из уважения к другу я сделаю это за десять дукатов.

– Тридцать гривен? – ахнул Сошур. – Да на такие деньги я целую сотню могу нанять, и еще останется на леденцы для их девок.

– Иной раз сотня неподготовленных вояк хуже пары знающих людей. Сейчас, похоже, именно такие обстоятельства. И меня удивляет, что этого не понимаешь ты, воевода.

– Что? – На лбу Сошура проступила темная жила, он стал краснеть.

– Я никого не хочу обидеть, – быстро произнес Лотар. Он уже пожалел о своих словах, которые воевода вполне мог расценить как шпильку. – Я хочу только сказать, что дело сложное, и я его сделаю так дешево только потому, что Рубос, мой друг, родом из Мирама.

– Кто из вас родом из Мирама? – спросил князь.

Рубос выступил вперед и поклонился.

– Хорош, хорош, ничего не скажешь, – удовлетворенно проговорил князь. – Кто же твои родители и где ты был до сих пор? Ведь я не помню тебя, а должен помнить. У меня не слишком много таких молодцов.

– Папа, мы сейчас не об этом, – проговорила ласковым голоском Светока.

– В самом деле, Тизун, нужно закончить этот торг, – сказал Бугошит. Как и ожидал Лотар, у него во рту не оказалось ни кусочка.

Неожиданно из того угла зала, куда ушел Кванет, послышались резкие, твердые шаги.

– Какой торг, господа? – произнес кто-то. Голос под стать ритму этих шагов, подумал Лотар, кажется, не лекарь идет, а воин.

Все повернулись к вошедшему. Он держался уверенно, решительно отодвинул один из стульев, на котором, вероятно, сидел раньше, и стал смотреть, как столовничий накладывает что-то на его тарелку.

– Капис, тебя нашли?

– Да, князь, все в порядке.

Он перевел взгляд острых, темных глазок на Рубоса, потом на Лотара. Потом осмотрел Сухмета. При виде старого раба его глаза дрогнули и стали чуть шире. Шув говорил, что Капис был лекарем, то есть слугой, до того, как князь приблизил его к себе и сделал советником. Должно быть, он не терпел слуг и рабов, которые напоминали ему о прошлом. Особенно таких странных слуг, каким был Сухмет, – слишком богато одетых, вооруженных, превосходно образованных и ничуть не смущающихся своим подчиненным положением.

Может быть, растолковать ему, что Сухмет такой же свободный человек, как я, или он сам догадается, подумал Лотар. Нет, и без того этот нескладный разговор то и дело уходит в сторону.

Между тем, пока длился этот осмотр, князь многословно и охотно пояснял Капису, как обстоят дела и что именно предложил Лотар. Наконец, когда князь замолчал, Капис отчетливо произнес:

– Чушь.

– Что? Ты, кажется, сказал «чушь»? – переспросил его князь.

– Да, так я и сказал.

– Если ты имеешь в виду мои пояснения, то я, кажется, ничего не упустил. – Князь растерянно оглянулся на Бугошита, а потом на княжича.

– Нет, мой государь, я, конечно, хотел сказать, что этот чужеземец задумал что-то нелепое и в высшей степени подозрительное.

– То, что собирается изгнать собак? – подал голос Бугошит.

А ведь он теперь будет на нашей стороне, усмехнулся про себя Лотар.

– Вот именно.

– Но ведь делать что-то нужно! – воскликнул Сошур. – Ведь мы толком ничего и не пробовали еще. Сидим, ждем...

– Нужно делать то, что принесет пользу. А утверждать, что этот молокосос сумеет усмирить собак, с которыми мы не сумели справиться мощнейшими катапультами, – чушь. Я говорил это и готов еще раз повторить.

Вероятно, в этой компании мнение Каписа значило много, потому что после его слов над столом повисло молчание. И тогда подала голос Светока:

– Думаю, никакого вреда от этого не будет.

– Да, да! – оживился князь. – Я тоже считаю, что с этим чужеземцем, как бы странно он тут ни говорил, мы должны заключить союз. Вреда от этого определенно не будет.

– Государь, подумай, союз заключают с дружественным государем, со своими воеводами, с дружиной, наконец, а тут какой-то юнец, от одного вида которого хочется...

Звон серебряной тарелки, упавшей на пол, заглушил тираду бывшего лекаря. В наступившей тишине Лотар спокойно произнес:

– Я не знаю, кто ты такой, невежа, но ты сидишь за столом с благородными людьми, поэтому, если бы ты решился продолжить, я мог бы вызвать тебя. И надеюсь, ты понимаешь, исход поединка ни у кого не вызывает сомнения.

– Вот именно, государь, – заговорил вдруг Гергос. – Этот Желтоголовый, как он себя называет, сегодня в пяти милях от города в честном поединке убил Костолома.

– Костолома? – переспросили сразу три или четыре голоса.

– Да. Я посылал для проверки патруль, они подтвердили, что Костолом мертв. – Гергос нахмурился. – Только его как-то странно убили. Я бы сказал, ему свернули голову, как цыпленку, перерезав позвонки на шее.

– Сзади? – быстро спросил Капис.

– Сбоку.

Теперь все смотрели на Лотара. Он пожал плечами:

– Этот мясник вряд ли заслуживал, чтобы я доставал свой меч. Я убил его кинжалом.

Молчание длилось долго. Наконец князь спросил:

– Чего ты хочешь, юноша, чтобы взяться за дело?

– Собственно, ничего. Плату я назвал, отчитываться я буду только перед тобой, князь, а результат увидите сами.

Княжич, который очень вовремя уронил на пол тарелку, улыбнулся, глядя Лотару в глаза:

– С чего начнешь, воин?

Лотар вздохнул. Паренек ему нравился, должно быть, потому, что совсем недавно и Лотар был почти таким же. Конечно, он слишком рано ушел из дома и слишком много разного опыта приобрел, пока научился сражаться и Рубос взял его в свой отряд. Но со стороны могло показаться, что те три или четыре года, которые их разделяли, не такая уж и большая преграда.

– С осмотра развалин. И с допроса свидетелей.

– Свидетелей? – подал голос Капис. – Но у нас, как я понимаю, не осталось живых свидетелей.

И тогда вперед шагнул Сухмет. По его желтому, как старый воск, лицу блуждала обычная лукавая улыбка.

– А нам необязательно нужны живые свидетели. Мы с моим господином умеем извлекать слова и из тех, кто больше не может сам говорить.

На этот раз свой нож для фруктов уронила Светока.

– Ты хочешь сказать, что вы умеете допрашивать убитых?

Лотар посмотрел на Сухмета с неодобрением. Вряд ли стоило говорить об этом, но слова были уже сказаны, и следовало как-то смягчить впечатление.

– Убитые в течение довольно долгого времени вполне способны рассказать то, что знают. На Востоке, откуда происходит мой товарищ, это обычное дело.

– Вы можете заставить заговорить любой труп? – деловито спросил Капис.

– Не совсем. Лучше работать с тем, у кого цела гортань и кто действительно отчетливо видел последние события своей жизни, потому что у убитых в нашем мире, как правило, сужено поле зрения.

– Понимаю. И это все?

– Нет, господин. Еще важно, чтобы у них не был поврежден затылок, иначе разрушаются те центры головного мозга, которые делают этот контакт возможным. – Казалось, Сухмет мог говорить на эту тему без конца.

– Здорово, – сказал князь, а потом вдруг стал бледнеть.

Бледность заливала его лоб, лицо, руки... Лотар без труда мог бы увидеть сквозь одежду, как бледнеет все его тело.

Светока, которая, казалось, ожидала этого, поднялась и властно хлопнула в ладони на весь зал. Сейчас же появились трое слуг, которые подхватили князя и поспешно унесли за кресло, на котором он сидел.

Княжич, проводив глазами отца, посмотрел на Лотара и попытался дружески улыбнуться:

– Кажется, мы обо всем договорились, Желтоголовый. Если тебе что-нибудь будет нужно, приходи сразу ко мне. Гергос проведет тебя.

Гергос поклонился. Гости – если сидящие за столом действительно были гостями – стали подниматься. Ужин был окончен.

Лотар, Рубос и Сухмет, поклонившись каждый по-своему, пошли вслед за Гергосом. Все трое хотели спросить об одном, и каждый ждал, кто же первым задаст вопрос. Спросил Рубос:

– Гергос, старина, что с князем?

Огромная спина капитана городской дружины сгорбилась.

– Он умирает, Рубос. Почти не может есть. Другой бы на его месте озлобился и стал бы крошить все, что попадет под руку... А князь, наоборот, стал зазывать всех к себе и кормить, кормить до упаду. Если бы ты знал, какие тут были пиры, пока эти собаки всех насмерть не перепугали!

– То-то я заметил, он ничего не ест, – сказал Рубос.

– Да, его каким-то хитрым заморским образом кормит Капис. Если бы не он, княжич уже давно сидел бы на троне, а ему еще рано. Сам видишь, он не очень-то...

Рубос покачал головой:

– Не знаю, может, он и молод, но людей понимает сразу. – Сделав несколько шагов к двери, где по-прежнему торчал неуклюжий арбалетчик, Рубос почти шепотом добавил: – Да и княжна хороша.

Какой смысл он вкладывал в это слово, ни для кого не осталось тайной.

Глава 6

Гергос попрощался с ними посреди площади. Он молча отдал честь и повернулся, чтобы уйти. Рубос крикнул ему:

– Пока, старина! Похоже, мы снова оказались в одной упряжке.

Через плечо осипшим от усталости голосом Гергос ответил:

– Ну нет, Желтоголовый сделал все, чтобы вы были сами по себе. И я скорее рад, чем расстроен этим.

Ссутулившись, он тяжело зашагал, даже не проверив, какое впечатление произвели его слова. Рубос повернулся к друзьям и пояснил, улыбаясь:

– Он немного расстроен.

– Понятно, – рассеянно произнес Сухмет.

Он неторопливо шагал к трактиру, думая о чем-то своем. Рубос потер руки.

– Ну а вообще-то с чего начнем?

Лотар посмотрел на него, стараясь не показывать удивления. Иногда выносливость друга его просто поражала.

– Я думаю, нам нужно выспаться. А на рассвете отправимся к последнему из разрушенных замков. Тебе, Рубос, тоже нужно быть в форме. Поэтому и тебе придется поспать.

– Спать так спать, – согласился гигант и затопал рядом с Лотаром.

Шув дожидался их у самой двери. Рубос даже вздрогнул, хотя первым увидел трактирщика не он, а Сухмет. Но старик почувствовал его за полсотни шагов через дверь, поэтому несколько не удивился, когда фигура толстяка трактирщика неожиданно выпала из полутьмы.

– Ну, как там было? – спросил Шув.

– Все нормально, толстяк. Они мигом согласились на все наши условия.

– Значит, вы теперь на городской службе?

– На службе у князя, – поправил его Лотар, который предпочитал не обобщать.

– Превосходно, замечательно... – Толстый трактирщик почти запел, как щегол на ветке. – А знаете, я вам приготовил замечательные кровати и лучшие комнаты. Конечно, я постарался учесть, кто есть кто. Вот только этого восточника я не знал, как положить. Если он слуга, то должен спать в комнате с Желтоголовым, а если свободный... Да и одет он странно.

Щебеча о чем-то, Шув повел Рубоса наверх, почтительно держа перед ним свечу. Лотар, усевшись на стул перед тлеющим камином, старался понять, в какую же авантюру он позволил себя втравить. Итак, обещание он дал, а вот как выполнить его – не подумал. Конечно, никогда он не поступил бы так, если бы не просящие глаза Рубоса, если бы не миролюбивые фрески в пиршественной зале князя, если бы не дребезжащий голосок Сухмета, который, что ни говори, умел его уговорить даже на то, чего Лотар и не хотел.

Собаки, магический занавес вокруг города, банды мародеров, которые дружно стали собираться к Мирану, – без сомнения, в этих действиях был какой-то план. Это было не просто произвольное сошествие зла на землю.

Лотар попытался расширить свое внутреннее зрение и ощутить все, что его окружало. Сначала он почувствовал город, бурливший, как котел на огне, хотя на улицах было безлюдно и темно. Особенно много было тревог и страхов в порту, где собрались самые беспомощные и самые жадные, где стало очень тесно и где при всем кипении страстей ощутимо росло всеобщее безразличие к людям, к городу, ко всему на свете. Это было очень плохим признаком. Но эти личности еще каким-то образом сохраняли видимость спокойствия, хотя были уже на грани необдуманных или откровенно незаконных поступков.

Потом Лотар ощутил тонкий слой эмоций стражников. Здесь царили дисциплина и, как ни странно, решимость исполнить свой долг. Пусть Гергос был не очень понятным человеком, но капитан он, видимо, неплохой, если сумел так выучить своих ребят.

За теми, кто стоял на стенах или мирно спал в казармах, очень легко читалась темная, бездушная сила собравшихся грабить и убивать. Хотя эти люди были рассеянные, неорганизованные и беспрерывно дрались между собой, они составляли значительную силу, потому что злоба, ярость, ненависть ко всему на свете давала им на короткий срок преимущество зла. Остановить их непросто, потому что на этот раз они убеждены в своей победе.

Лотар с тревогой понял: придется много убивать, потому что этих людей могло остановить только одно – страх перед скорым и неотвратимым возмездием.

– Ну что же, будем убивать, – решил Лотар.

А за этим рыхлым кордоном из мародеров и бандитов, за табором нечистых на руку бродяг и негодяев лежало темное, упругое, абсолютно нечитаемое нечто. Лотар даже не сразу понял, что уперся в невидимый купол, который никого не выпускал из Мирама.

С этой стороны его граница определялась довольно легко. Это действительно был колокол, закрывавший город со всех сторон так, что из Мирама невозможно было даже улететь. С запасом работали, негодяи, подумал Лотар. Знали, что летающих машин или тренированных летунов в Мираме нет, но все равно устроили ловушку по высшему разряду. Значит, на помощь из других городов на побережье рассчитывать не приходится.

Вдруг от стены слева отделился смутный, едва различимый даже темновым видением силуэт. Лотар вскочил, выхватывая из-за плеча Гвинед, опрокидывая стул, чтобы получить хоть какое-то пространство для маневра. Но он уже знал, что опоздал...

– Тихо, господин Желтоголовый, – произнес человек. – Я безоружен и не хочу тебе зла.

Лотар держал перед собой меч, удивляясь тому, что такое вообще могло произойти. Медленно, но неудержимо в нем нарастало раздражение. Расхвастался тут перед Гергосом, перед почти деревенским капитаном, который лишь чуть лучше околоточного сторожа, а вот обычный восточник подошел так, что он даже ничего и не заметил.

«Не совсем обычный», – услышал он в сознании голос Сухмета. Оказывается, старик был поблизости и наблюдал за ним...

– Кто ты? – спросил Лотар.

Подошедший склонился в низком, от пояса, поклоне. Руки он держал у самых бедер.

– Можешь называть меня Курбаном.

– Как ты тут оказался?

– Я постоялец господина Шува.

– Зачем ты подкрался?.. Почему так тихо подошел ко мне?

Восточник еще раз поклонился:

– Прошу простить меня, я хотел показать тебе одну вещь, которая лежит у меня в комнате.

Лотар оглянулся на то место, откуда, как ему показалось, доносился неслышный для всех, кроме него, шепот Сухмета. Но старого раба там не было. Зато господин Курбан повернулся в противоположную сторону, и именно там, за углом коридора, ведущего на кухню, стоял Сухмет. Он уже умылся и скинул свой парчовый халат. При нем не было даже его Утгеллы, с которой он расставался только тогда, когда его колдовство требовало убрать подальше оружие.

– Твоему... другу я тоже готов показать это, – произнес Курбан, лишь на мгновение замямвшись. Конечно, он не ошибся. Похоже, этот человек не ошибался.

– Хорошо, – ответил Лотар, – я готов следовать за тобой.

– Благодарю. Ты не пожалеешь, господин.

Курбан повернулся, взял со стола длинную свечу, ловко зажег ее от уголька из камина и пошел наверх, высоко подняв руку.

– В отличие от тебя, я совсем незначительный человек, господин Лотар. Я просто странствующий охотник за редкостями, который выполняет просьбы своих друзей, что живут очень далеко отсюда, но часто шлют весточки с местными капитанами. – Говорил Курбан правильно, казалось, что этот язык он знает не хуже Лотара. Вообще, если вспомнить Сухмета и вот этого Курбана, а также тех немногих купцов, которых Лотар видел раньше, у восточников не было сложностей с языками южных и западных народов, должно быть, потому, что их собственный язык был гораздо сложнее.

Они подошли к двери на четвертом этаже трактира, где невысокий потолок выдавал близость покато́й крыши, и Курбан плавно отодвинул какую-то сложную заслонку, которая открывалась известным только хозяину отщелкиванием двенадцати более мелких задвижек. На самом деле это не был замок, но устройство вполне могло остановить не очень умелого воришку. Лотар поразился простоте и надежности запора.

Они вошли в комнату. Почти вся она была уставлена колбами, стеклянными кубами и гладкими шарами из какой-то прозрачной смолы, похожей на янтарь, в которых хранились разные животные, насекомые, растения, морские и речные твари. Лотар прошел по этой выставке и вдруг замер – прямо на него из желтого твердого шара полуоткрытыми глазами смотрел детеныш мантикоры. Он казался живым, настолько мастерски были сохранены все части его тела.

– Этот зверь, как ни странно он выглядит, на самом деле существует, – сказал Курбан.

– Я знаю, – ответил Лотар и с трудом отступил назад, стараясь отвести взгляд от крохотного чудовища.

Но стоило ему посмотреть в сторону, как он тут же увидел еще одну диковинку – это была довольно сложная конструкция из прозрачного, разукрашенного разными добавками стекла. В основании она напоминала спираль, но чем выше поднимались стеклянные языки, тем на большее число веточек они делились и тем сложнее становился рисунок их плетения. Ближе к верху, где глаз уже не мог уследить за всеми деталями скульптуры, прозрачное стекло превращалось в молочный фарфор, а тот вдруг становился тонкой сетью кованого серебра, украшенного жемчугами. Возникло странное впечатление, словно смотришь в необозримую глубину, кончающуюся неизвестно где.

Лотар хотел было посмотреть на эту штуку магическим зрением, но тут возле плеча появился господин Курбан и с застенчивым видом задернул ситцевую занавесочку, извинившись:

– Это произведение, господин, уже продано.

– Как это... – Лотар удивился, что так разволновался, рассматривая какую-то стекляшку, тем более что пришли они совсем не за этим, но почему-то все же спросил: – Как называется эта штука?

– Автор назвал это Костром Всех Стихий. Я же переименовал в Дракона Времени. Мне показалось, это произведение будет скорее продано, если я назову его по-другому.

Лотар вздохнул и провел рукой по лбу. Да, определенно он был в плохой форме.

– Что ты хочешь показать мне?

Он снова огляделся. Помимо колб и шаров с разным мелким зверьем в комнате было с полсотни книг. Самые обычные книги с описаниями странных мест, сделанными путешественниками, лоции дальних морей, туманные и печальные трактаты, оставшиеся от народов, давно ушедших в небытие. Все здесь сработано руками самых обычных людей, для самых простых нужд.

Как Лотар ни оглядывал углы, в этой комнате не оказалось даже шаманских амулетов. И хотя он заметил в дальнем углу несколько северных намоленных иконок, напомнивших

родные края, складывалось впечатление, что за долгие годы путешествий по разным городам и странам Курбан научился не вспоминать своих прежних богов и уж тем более не привык к новым. Одним словом, в комнате Курбана было чисто, абсолютно чисто. Магией здесь и не пахло.

Курбан посмотрел на Лотара черными как смоль глазами и нахмурился.

– В Мирам меня привел случай, как, должно быть, и тебя. Я, конечно, обошел весь город, чтобы узнать, нельзя ли тут что-либо купить для моих заказчиков, и с огорчением вынужден был признать, что тут никаких редкостей нет. В Мираме торгуют чем угодно, но только не редкостями. – Восточник еще раз посмотрел Лотару в глаза, взгляд его не таил никакого напряжения. Это был взгляд слегка утомленного жизнью человека, который предпочитает ни с кем не ссориться.

На мгновение Лотар вспомнил, что на тренировках, которые он себе устраивал, Сухмет больше всего ругал его за то, что у Лотара слишком сильный, давящий, слишком выразительный взгляд. Это был знак воина, который не только не боится вызова, но и не остановится ни перед какой чужой силой. Сухмет очень хотел научить Лотара «мягким глазам» – спокойному, уклончивому выражению глаз, которое помогло бы маскироваться.

Что, если этот восточник знает, как маскироваться, спросил себя Лотар? Ведь может быть, что он никакой не торговец, а ловкий шпион, проникший дальше других на запад с неизвестной целью? Нет, сейчас главным были собаки, нужно сосредоточиться только на этом деле.

– Дожидаясь попутного корабля, я принялся бродить по местным книжным лавкам, но и они оказались скудными. И лишь несколько недель спустя кто-то посоветовал мне обратиться к господину Кнебергишу. Я встретился с ним, рассказал о своей профессии, а потом он продал мне вот это.

Курбан достал небольшую, видимо, заранее приготовленную гравюру на пергаменте. Она изображала трех огромных собак, которые пожирали замок, казавшийся рядом с чудовищами всего лишь праздничным пирогом.

– Господин Кнебергиш сказал, что у него есть основания считать: это изображение – не выдумка. – Курбан вздохнул. – Так как я собираю не только самих странных зверей, но и книги о них, я купил эту гравюру, но вот... Когда корабль, на котором я должен был отплыть, прибыл в Мирам, неожиданно возникла эта преграда, а через неделю появились и собаки.

– Он не сказал, откуда у него это изображение? – поинтересовался Сухмет.

– Он только утверждал, что это подлинный рисунок из рукописи, написанной очевидцем.

Лотар осмотрел гравюру. Не похоже, что это страница какой-то книги, вырванная из середины. Да и велика она слишком для пергаментной книги.

– Он не говорил, что скоро ты убедишься в подлинности изображения? – снова спросил Сухмет.

– Он вел себя странно, похихикивал, потирал руки этим отвратительным западным жестом...

Курбан вдруг смутился, вспомнив, что Лотар не так желт, как он или Сухмет. Но Лотар, глядя на сдержанные жесты Курбана, понял, что тот имел в виду, и полностью с ним согласился, хотя и не произнес ни слова.

– В остальном он был обычный, любящий деньги человек, – торопливо закончил Курбан.

Лотар поднял голову:

– Откуда ты знаешь, что меня теперь могут заинтересовать такие вещи?

Курбан улыбнулся, обнажив ровные, некрупные, блестящие, как речной жемчуг, зубы.

– Я подслушал ваш разговор с капитаном городской стражи. Это было несложно, господин. Вы так громко говорили, что мне не нужно было даже подходить к вам близко.

– И никто из нас тебя не заметил? – Лотар с тревогой посмотрел на Сухмета. Тот пожал плечами.

– О, я умею ходить очень тихо, я вообще очень тихий человек, господин. Не только ты и твой восточный друг не замечают меня. Это хорошо, это помогает делам.

Он покивал головой. С каждой минутой он все больше становился похожим на простого купца, который так боится раздражить местные власти, что даже своих божков не оставляет на виду. Может, конечно, он предусмотрительно отнес их в какой-нибудь другой трактир, когда надумал пригласить к себе Лотара, но это лишь восточная предусмотрительность, а магии здесь не было.

– Вот тогда я и решил, что обязательно покажу тебе эту гравюру. Если тебе удастся спасти людей и город, это будет хорошо.

Акцент восточника становился все заметнее. Наверное, он устал. Ну что же, это естественно.

– Хорошо, Курбан. Я понял, я подумаю об этом. Что ты скажешь, если я куплю у тебя эту гравюру?

– Сделай милость, господин Лотар, прими ее от меня в подарок. Это будет... как это называется, да... заклад в спасение города.

– Ты имел в виду вклад, наверное. – На всякий случай Сухмет произнес очень энергично еще несколько слов. Лотару показалось, что Сухмет назвал одно и то же понятие на нескольких языках.

Восточник закивал:

– Да, вклад.

И он произнес очень длинную фразу на одном из языков, который помянул, должно быть, Сухмет. Тот кивнул:

– Ну что же, если ты меня благодаришь, я тоже благодарю тебя.

Желтоголовый усмехнулся и скатал гравюру трубочкой. Попутно он пытался определить остатки прикосновений того человека, который владел ею до Курбана. Но их не было.

Когда дверь за ними закрылась и тихо стали защелкиваться задвижки с секретом, Сухмет произнес:

– Значит, это – след?

Лотар вздохнул:

– Только очень уж вовремя он появился, тебе не кажется?

Глава 7

Ночью Лотар спал плохо, ему снилась горячая завеса, колоколом накрывшая Мирам, пустота перехода в оазисе Беклем и отливающие красным светом безумные глаза принцессы Мицар, когда они дрались в пещере сверкающих кристаллов. Проснулся он незадолго до рассвета. Ему казалось, что в воздухе разлита тонкая, горчащая дымка смерти.

Он вышел на задний двор и резко, в темпе бегущего оленя, сделал небольшую разминку, но и после этого его настроение не улучшилось. Через полчаса к нему вышел Рубос, который спал этой ночью, как и было приказано, превосходно. Сухмет вышел следом за Рубосом и принялся весело плескаться в лохани с водой, бурча, что драка, наверное, готовится жестокая, потому что Рубос обычно так спит только перед боем.

– Или в родном городе, старик, – объявил гигант и, немного рисуясь, попробовал покрутить в воздухе свой меч с перехватами, но после того, как уронил его в третий раз, зевнул и сказал, что пора завтракать.

Служанки Шува, проклиная про себя неугомонных постояльцев, но вслух не произнося ни слова, принесли чай для Сухмета с Лотаром и остатки вчерашнего пиршества для Рубоса. Но еда не заняла и десяти минут. Вскоре все трое уже стояли перед княжескими конюшнями и объясняли главному конюху, что им нужно получить трех лошадок порезвей и повыносивей. Конюх ничего не понимал, крутил головой и порывался идти поить теплой водой каких-то жеребчиков, которые ночью могли приостыть и которых отогреет только теплое пойло.

Наконец в конюшне появился прыщеватый тип в малиновой ливрее и с тонким, смешным мечом, который смотрелся на нем, как седло на страусе. Он пошептался с конюхом, и из конюшни вывели трех оседланных лошадей.

Едва они выехали за ворота, как Рубос вдохнул полной грудью и заявил, что теперь-то он готов ко всему и даже может, пожалуй, не ронять меч на тренировке. Потом он спросил:

– Кстати, о мечах. Лотар, куда мы направляемся?

– Гергос сказал, что последним пал замок Кибата. Ты знаешь к нему дорогу?

– Каждый мальчишка знает. Я могу проводить тебя туда с закрытыми глазами.

– Когда мы туда приедем?

Рубос посмотрел на солнце, показавшееся из-за восточного края горы.

– На наших лошадках часа через два будем на месте. – Он подъехал ближе к Лотару. – Жаль, тренировочных мечей нет, верно?

– Не знаю, я уже поработал немного, – рассеянно ответил Желтоголовый.

Он внимательно слушал, как в миле впереди раздавался тяжелый топот подков. Что-то в нем было тревожное, даже Сухмет вытянул шею, ожидая какой-то неприятности.

Они немного проехали в молчании. Рубос, который еще ничего не услышал, оглядывался по сторонам. Наконец он не выдержал:

– Послушай, может, запеть? Тогда эти убийцы и насильники, о которых вчера все столько говорили, должны к нам сбежаться, и мы сможем с полным основанием на них напасть.

– Если ты запоешь, возможно, мне тоже придется на тебя напасть, – проговорил Сухмет, весело кивнув. За ночь он так и не смог избавиться от подхваченной у Курбана привычки.

– Ну а все-таки где они?

– Кто? – спросил Лотар, следя за всадником, до которого осталось уже меньше полумили.

– Ну, грабители, мародеры, висельники.

– Вечером были у стен Мирама, а теперь, как видишь, никого не осталось.

– Почему?

– Это мы, кажется, можем выяснить вот у него.

Всадник наконец показался из-за поворота. На груди его разодранной кожаной куртки был вышит герб, который Лотар уже где-то видел. Всадник едва держался в седле, было понятно, что он ранен, и довольно серьезно. Раненому было так плохо, что он заметил трех всадников, только когда до них осталось не больше сотни шагов. Он остановился и неуверенным, пьяным жестом попытался достать меч из ножен.

– Мы друзья! – крикнул Лотар. – Мы служим князю Тизуну. Если ты нуждаешься в помощи, мы поможем тебе.

Всадник, качаясь в седле, выпустил меч, который так и не смог вытащить, и хрипло что-то проговорил. Даже Сухмет не разобрал слов.

– Мы можем подъехать? – спросил старик, опасаясь, что раненый выкинет какую-нибудь глупость. Он тронул поводья и подъехал ближе.

– Вода есть? – спросил раненый запекшимися губами.

Рубос торопливо отстегнул свою фляжку и протянул ее воину. Тот надолго припал к горлышку. Кадык на его горле забился, как пойманная птица. Наконец он оторвался от горлышка.

– Это герб Кибата? – полуутвердительно спросил Рубос.

– Я сержант из замка Кибата, – кивнул всадник. – Ночью на нас напали собаки и мародеры. Мы... – Он умолк и чуть отвел в сторону правую руку. Левую он прижимал к груди.

– Тебе помочь? – спросил Сухмет.

– Мне досталось меньше, чем другим. До города далеко?

Рубос оглянулся:

– Считай, уже доехал.

– Мародеры там есть или они все у нас собрались? – спросил сержант, вернув флягу и с трудом подбирая поводья, чтобы продолжить путь.

– Я никого не заметил. Все вымерло, как после разудалой свадьбы. – Рубос с тревогой поднял глаза на Лотара: – Может, его проводить, Лотар? А через полчаса я вас догоню.

Но Лотар своим дальновидением уже разыскивал впереди замок, который этой ночью для многих стал местом гибели. Это оказалось несложно. Среди тумана, состоящего из криков раненых и еще не остывшей боли умерших, он увидел фигуры людей, которые бродили по развалинам, грабя и добывая живых защитников, уверенные в безнаказанности. Вот только, как всегда в таких видениях, Лотар не знал, как туда поскорее добраться.

– Нужно спешить, Рубос, там еще не кончилось.

Сержант прикрыл на мгновение воспаленные глаза.

– Не нужно, друг, если мародеров впереди нет, я справлюсь. Вам – удачи.

Как ни устал он после ночного боя и безумной скачки, как ни был слаб от раны, он прищипил коня и с трудом перевел его в галоп. Конь устал не меньше всадника, в треске его копыт по сухой земле иногда слышались сбои, словно он оступался.

Рубос проводил его глазами.

– Ничего, доберется, – сказал он и вдруг с гиканьем помчался по дороге вперед.

К замку они летели больше часа. То один, то другой вырывался вперед. Это помогало лошадям.

Наконец, пролетев рощицу смолистых тисов, Рубос, который на этот раз был впереди, поднял руку и остановил своего коня. Лотар оказался рядом раньше, чем тот перевел дух. Сухмет возник сразу за Лотаром, словно составлял с ним одно целое.

Все трое вглядывались вперед, и их руки привычно проверяли оружие, пробовали, как клинки выходят из ножен, подтягивали ремни. Все думали только о том, что лежало за тон-

кой, полупрозрачной пеленой утреннего тумана, затопившего широкую ложину, в которой стоял замок.

Лотар усилил остроту восприятия, чтобы ненароком не пропустить шальную стрелу из арбалета, и сейчас это мешало ему понять, что же происходит за туманом. Он подумал, что придется усиленно тренироваться, потому что такие вещи нужно делать одновременно, как и многое другое, что он утратил за время вынужденного безделья на Алдуине и на корабле.

– Видишь что-нибудь, Сухмет? – спросил он.

– Кажется, мы опоздали. Замок слишком мал, чтобы долго держаться.

– Ну ладно, тем хуже для нас.

– Или для негодяев, – буркнул Рубос.

Лотар мельком взглянул на него. Мирамец привычно улыбался одними глазами, только в них появился сухой бешеный блеск, который заставил бы и Лотара держаться осторожней, случись у него поединок с этим человеком.

– Ты не очень-то, тут ничего уже не решить. Побереги себя для главной драки, – начал он, но понял, что толковать об этом бесполезно. Рубос, и без того никогда не щадящий противника, теперь приготовился только убивать.

Они тронули коней. Дорога вилась между полями поднявшейся до колен пшеницы. Прямо по полю шли люди, многие из них были пьяны. Почти все тащили узлы с тряпьем. Женщины, возраст которых Лотар не мог определить даже приблизительно, все время что-то кричали, захлебываясь визгливой руганью. Мужчин было мало.

– Еще грабят, наверное, – подсказал Сухмет, которому каждое, даже невысказанное соображение Лотара было понятно, как раскрытая книга.

– А ведь они все в шоке, – произнес Лотар. – Даже для тех, кому это нравится, такое не проходит бесследно.

– Ничего, тем, кто попадется, скоро будет не до переживаний, – процедил Рубос.

Потом показалось несколько горящих домишек. Один был просто раздавлен. Причем Лотар так и не смог определить, откуда был нанесен удар, наверное, сверху.

Вдруг туман исчез, и стала видна площадка перед воротами, вернее, перед тем, что от них осталось. А осталось немного. Две привратные башенки, подъемный механизм и еще какие-то деревянные надстройки рухнули вперед, так что обломки засыпали и сухой неглубокий ров, и часть дороги, ведущей к замку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.